

ИСТОРИЧЕСКАЯ

АВАНТЮРА

Владислав Русанов

МУЖСКОЙ
КЛУБ

«КРЫЛОВ»

Обряд Ворюка

Ворлок

Владислав Русанов

Обряд Ворлока

«Крылов»

2009

Русанов В. А.

Обряд Ворлока / В. А. Русанов — «Крылов», 2009 — (Ворлок)

В Полых Холмах под Йоркширом кипит своя загадочная жизнь. Попавший туда молодой словен Вратко должен заплатить за помощь и гостеприимство. Ворлоку из Гардарики предстоит разыскать вещь, необходимую для таинственного Ритуала. Попасть в пещерный лабиринт под развалинами аббатства Стринешальх, где хранится заколдованный треножник, несложно. Тяжело выйти оттуда живым, оставив с носом Ужас Глубин. Приходится уповать на молитву и... помощь оборотней. А впереди поле битвы при Гастингсе. Поможет ли чародейство прогнать ненавистных норманнов, или Англии суждено быть завоеванной?

© Русанов В. А., 2009

© Крылов, 2009

Содержание

Глава 1. Злое жало	6
Глава 2. Волшебный котел Керидвены	13
Глава 3. Загадка Хродгейра	22
Глава 4. Мгла среди холмов	29
Глава 5. Спящие богатыри	37
Глава 6. Чародейство в тумане	45
Глава 7. Бой на поляне	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Владислав Русанов

Обряд Ворлока

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1. Злое жало

Тяжелый наконечник копья чертил в стылом воздухе подземелья замысловатые узоры. Багровые отблески двух факелов подрагивали на его отточенных кромках, а острие приковывало взгляд, как раздвоенный язык гадюки связывает волю полевой мыши. Не зря же копьё прозывалось – Злое Жало. Викинги хоть и любят свое оружие, а именами нарекают далеко не всякое. Лишь самое любимое, надежное, верное.

Вратко сидел на корточках у холодной стены, покрытой капельками воды, которые играли в факельном свете не хуже драгоценных адамантов, и смотрел, как бородатый Гуннар выполняет ежедневное воинское правило. Бывший кормщик из дружины Хродгейра Черного Скальда остался нынче за старшего в крошечной горстке уцелевших бойцов¹. Ему полагалось показывать товарищам пример во всем. Соломенноволосый здоровяк Олаф, о котором злословили, что, мол, не уступает силищей северным йотунам², предпочитал меч. Веснушчатый Игни – самый молодой из викингов – следовал его примеру. Он вообще старался во всем подражать Олафу. Вратко заметил это еще на «Слейпнире»³ – так в честь восьминогого коня верховного урманского бога Одина назывался дреки⁴ Хродгейра. Где они теперь? И красавец корабль, быстрый, верткий, с бортами из прочных просмоленных досок и клыкастой драконьей мордой, вознесшейся на высоком штевне, и его владелец – умелый скальд и беспощадный воин, верный товарищ и мудрый вождь?

«Слейпнир» остался лежать, наполовину вытащенный из воды, у небольшой крепостицы Риколл, поставленной саксами в месте слияния Уза и Уарфа. Там остался и весь остальной флот норвежского конунга Харальда Сурового, который прибыл на земли Англии в поисках короны, но нашел лишь злую смерть. Рядом с конунгом в сражении у Стэмфордабрюгера погибли лучшие его воины – цвет северного края.

Друг и наставник Вратко – скальд Хродгейр – потерялся чуть позже, когда пытался отвести от измученных товарищей безжалостную погоню. Уже направляясь к нежданнонегаданно открывшемуся входу в Полые Холмы, новгородец слышал, что отчаянный вожак викингов рубится с рыцарями из числа саксов, преданных Эдгару Эдвардссону⁵. С тех пор прошло вот уже десять дней. Несмотря на обещание помочь разыскать Черного Скальда и вызволить его, если норвежец попал в плен к врагам, королева Маб не торопилась. Как будто и не нуждалась в ответной помощи и верной службе Вратко, которого она считала могущественным чародеем.

Молодой словен до сих пор не свыкся с ролью колдуна и всякий раз искренне удивлялся, если кто-то вслух называл его волшебником или, как говорят на севере, ворлоком. Какой, скажите на милость, колдун из купеческого сына, да еще не встретившего семнадцатую весну?

Чародей должен быть старым, седым, с длинной бородой и мудрыми глазами. Он должен носить мантию до земли и опираться на посох, проводить время в ученых размышлениях и составлении все новых и новых заклятий, а не таскаться за бородатым кормщиком, с замиранием сердца разглядывая приемы боя с копьём.

А Гуннар все чаще и чаще, не говоря ни слова, хватал под мышку Злое Жало и уходил подальше, в одну из необжитых пещер под холмами, втыкал факел между двумя каменными

¹ Об этих событиях рассказывается в книге «Ворлок из Гардарики».

² Йотун – великан. Он же – турс.

³ Слейпнир – восьминогий конь Одина. В данном случае – название дреки, принадлежавшего Хродгейру Черному Скальду.

⁴ Дреки – боевой корабль викингов с изображением дракона на переднем штевне. В литературе последних лет эти корабли ошибочно зовутся драккаром.

⁵ Эдгар, внук Эдмунда Железный Бок, английского короля в 1016 году. Войско Эдмунда было разгромлено датчанами, сам король погиб. Его сын Эдвард Эдмундсон с малолетним Эдгаром бежал в Венгрию. После смерти Эдуарда Исповедника Эдгар претендовал на корону Англии, но саксонская знать предпочла сына графа Годвина – Гарольда.

сосульками и сражался с невидимым противником, пока не покрывался потом. Вратко, чувствуя подспудную вину, шел за ним. Садился в сторонке и наблюдал, как исходящий паром кормщик наносит резкие короткие удары острием, подсекает ноги, отбивает вражеские удары окованным древком, рубит наотмашь широким мечеподобным лезвием. Танец Гуннара завораживал. Хотелось самому взять в руки Злое Жало и задать жару воображаемым врагам.

Наконец факел начинал шипеть и плевать искрами. Это означало, что пришла пора возвращаться в отведенные им для жилья палаты. Там горел очаг, который топили не дровами, а кусками торфа – диковинка для новгородца, не привыкшего видеть горящую землю. Там низкие каменные лежа укрывали медвежьи и волчьи шкуры. Хотя и сыро, и стыло, как и везде в подземельной державе, но согреться можно. Но возвращаться не хотелось. Ведь там сидела, не отрывая безучастного взгляда от пламени очага, Мария Харальдовна.

Дочь конунга беззвучно шевелила губами, словно разговаривала с бесплотными тенями, обступившими ее в полумраке. Она и до злополучного похода Харальда Сурового слыла... Ну, не юродивой, конечно, но уж «не от мира сего» – это точно. Иногда про таких людей говорят – он беседует с духами. А кто-то считает, что они слышат голоса богов. Как там было на самом деле, Вратко судить не решался, но пророчество Марии, когда она еще на Оркнейских островах предсказала неудачу норвежского войска, если они не разыщут некий предмет, укрытый в сланцевых холмах, помнил. Одно время ему хотелось верить, что талисман, необходимый для победы, это Рианна – девушка-пикта, которую они и в самом деле сыскали благодаря предчувствиям Марии Харальдовны в подземном жилище Скара Бра. Но, скорее всего, он ошибался. Вернее, убедил себя, выдал желаемое за сущее, и это оказалось ошибкой. Сокрушительное поражение войска норвежского конунга было тому подтверждением.

Уже здесь, в Полых Холмах, словен, не без помощи Рианны, пришел к выводу, что заветным талисманом, владение которым обеспечило бы победу, должна была стать Чаша. Та самая, которой поклонялась ветвь пиктского народа, обитавшая на Оркнеях, племя, которое Рианне предстояло бы рано или поздно возглавить. Но прознать о предназначении Чаши мало, нужно до нее добраться, а как это сделать не знал никто. Даже великая королева малого народца йоркширских холмов – чародейка Маб. Ведь именно ради обладания Чашей она пригласила, если можно так сказать, их в гости. Королева хотела узнать о местонахождении Чаши от Рианны, но пикта ничем не могла ей помочь – в их племени все знания о Чаше передавались главе рода лишь по достижении совершеннолетия, во время особого обряда инициации. Воины Модольва Кетильсона, хевдинга⁶ по кличке Белоголовый, перебили всех родных Рианны, и теперь оставалось надеяться лишь на чудо. Или случай...

Гуннар хрипло выдохнул и замер, опустив копьё наконечником вниз. Вратко поднялся. Покачал головой и сказал:

– Знать, стальное жало
Алчет крови вражьей
Полый холм темницею
Волку славной вольницы
Стал. Темно пристанище,
Стыло, мрачно, муторно.
Бальдр кольчуги вырвется.
Льется брага ратная.⁷

⁶ Хевдинг – правитель области, дословно «главарь», избираемый из местной знати. Так же военный вождь у викингов.

⁷ Все висы, авторство которых не оговорено отдельно, написаны мною (примечание автора).

– Еще как алчет... – буркнул Гуннар. – Почему я должен сидеть, сложа руки, когда Хродгейр, возможно, погиб?

– Мария Харальдсдоттир, говорит, что он жив, – возразил новгородец.

– Она же не колдунья!

– Но она иногда прорицает будущее.

– Да, это так... – согласился кормщик. Но тут же вновь возмутился. – Почему эта королева... – он опасливо зыркнул по сторонам, будто бы опасаясь сторонних глаз или ушей. – Эта королева с холодным взглядом и змеиным языком... Почему она молчит? Почему не выполняет своего обещания? Ведь она поклялась, что поможет нам спасти Хродгейра!

Вратко развел руками. Ну, что он мог ответить? Возмущение Гуннара совершенно справедливо. Словен и сам начинал злиться...

Королева Маб нуждалась в его заклинаниях. Вернее, заклинаниями она – да и многие другие – называла висы, складывать которые парня научил Черный Скальд. Да, иногда, когда он произносил строки, наполненные созвучиями, кеннингами и хейти⁸, желаемое сбывалось. Но не было ли это случайностью? Вратко не знал и не мог поручиться, что в очередной раз все выйдет по его слову. А вот правительница малого народца, похоже, верила в колдовскую силу его строк. Потому и предложила союз против ненавистных ей монахов, служителей Белого Бога или Иисуса Христа, которые набирали все большую и большую силу на островах. Вратко не держал зла против христиан, но вот от отца Бернара, монаха, сопровождавшего войско норвежского конунга в походе и, как оказалось, возглавившего заговор в поддержку Вильгельма Нормандского, добра не видел. Отомстить ему парень не просто мечтал, он жаждал изо всех сил, готов был жизнь отдать, лишь бы наказать подлого святошу.

Но месть местью, а позволять королеве-волшебнице нарушать договор – помощь в борьбе с монахами в обмен на жизнь друга и учителя – Вратко не собирался. Он уже несколько раз за истекшие десять дней пытался поговорить с Маб, но молчаливая стража из воинов народа динни ши не пропускала его. На расспросы не отвечали. Вообще эти наследники некогда могущественного племени Туата Де Дананн относились к людям с изрядной долей презрения. Олаф как-то сказал, что ему очень давно хочется взять парочку заморышей за шивороты и хорошенько приложить головами друг о друга, если они не перестанут кривиться и морщить носы при виде викингов. Узнают, мол, тогда, что люди не грязные свиньи...

– Гуннар, – тихо проговорил парень. – Я сейчас пойду к королеве, и добьюсь, чтобы она выполнила свое обещание. Веришь мне?

Кормщик долго молчал. Вратко даже начал опасаться, что бородач обиделся всерьез... А за что обижаться? Можно подумать, он сам не хочет спасти Хродгейра! В конце концов он тоже обязан скальду жизнью, а долги нужно платить.

– Я верю тебе...

Услышав голос Гуннара, словен дернулся от неожиданности.

– Правда, веришь?

– Верю, Подарок Ньёрда. Как же мне не верить тебе?

Парень улыбнулся. Если называет его привычной кличкой, значит, зла на сердце не держит.

– А можно... – словен замялся.

– Чего тебе? – приподнял мохнатую бровь кормщик.

– Я хотел просить тебя... Научи меня биться копьём.

– Копьём? А зачем тебе?

⁸ Кеннинг – в скальдической поэзии одного существительного речи двумя, из которых второе определяет первое. Например: конь моря – корабль, дерево битвы – воин и т. д. Хейти – замена одного названия или имени собственного другим названием или именем собственным. Например: хейти Одина – Высокий, Вещий, Отец Дружин.

– То есть как это зачем? – опешил Вратко. – Ты думаешь, мне не надо уметь защитить себя?

– Да нет! Надо, надо! – быстро проговорил Гуннар. – Ты теперь наш, а викинг должен уметь постоять за себя. Просто... Копье... Ведь Олаф учил тебя мечу, насколько я помню?

– И многого я достиг? – усмехнулся парень. – Верно Сигурд говорил: ногу уже не отрублю, но драться с воином и думать нечего.

– Меча толком не понял, а уже к копыю примеряешься? – нахмурился кормщик.

– Ну... Я только попробовать хочу, – Вратко уже пожалел, что попросил Гуннара о помощи. – Мне показалось... Я подумал...

– Что подумал?

– Подумал: вдруг копые – это мое оружие? Ведь так бывает... Кому меч, кому секира, а кому и копые.

– Да? Что ж, парень... Может быть, ты и прав. – Гуннар вдруг улыбнулся и сунул новгородцу в руки Злое Жало. – Держи!

Вратко сжал пальцы на гладком, отшлифованном ладонями викинга древке.

– Не так! – командовал бородач. – Правую посредине! Хват нижний! Левую – ближе к пяте. Да верхним хватом! Держи свободно.

Парень выполнял все указания наставника, радуясь в душе. Если с мечом он чувствовал себя неловко, скованно – клинок был явно лишним, отягощал руку и мешал двигаться, постоянно норовил выкрутиться из ладони и, если не зацепить ногу незадачливого мечника, то, по крайней мере, улететь куда-нибудь подальше, – то держак копья лежал удобно и привычно. Будто бы Вратко всю жизнь только и делал, что ходил с боевым копьём наперевес. Словно вилы или грабли, которые должны быть более привычны простому пареньку, не воину по рождению.

– Неплохо, Подарок Ньёрда, неплохо, – одобрил и Гуннар. – Мне нравится, как ты стоишь, как держишься. Попробуй уколоть.

– Кого?

– Да никого! – рассмеялся кормщик. – Ткни вперед, перед собой!

Вратко ткнул.

– Неплохо. Только ты слишком сильно сжимаешь пальцы. Мягче... Хорошо! А теперь крутани, будто руну рисуешь! Молодец! В запястье мягче!

Молодой человек старался исправно выполнять все распоряжения кормщика. Ему было легко и радостно. Злое Жало слушалось малейшего поворота кисти, хоть он и держал это оружие первый раз в жизни – Гуннар обычно очень ревностно относился к своему любимому копыю.

– Мягче, мягче, Подарок! Теперь представь, что тебя бьют в лоб! Как будешь отбивать?

Вратко показал.

– Без пальцев останешься! Отводи чужой клинок так, чтобы твой кулак был выше! Тогда меч или топор соскользнут по оковке древка, а пальцы твои целы будут! Понял?

Радостно кивнув, новгородец повторил движение, но уже учитывая замечание Гуннара. Заслужил скупое одобрение:

– Ничего. Годится... А может быть, Подарок, из тебя толк и выйдет.

Увидев улыбку до ушей, озарившую лицо парня, кормщик нахмурился и добавил:

– Толк выйдет, одна бестолочь останется. Ты не зазнавайся. Ишь ты, не успел копые в руки взять, а уже великим воином себя возомнил.

– Да я...

– Не перебивай старших. Тебе, чтобы настоящим бойцом стать, нужно до седьмого пота прыгать. И то не один год. И то, не знаю, как еще жизнь повернется. Иному не дано бывает: учись, не учись – подмастерьем и помрет. А помрет обязательно. И не своей смертью, ибо имеют обыкновение такие горе-мастера о себе возомнить больше надобности.

Бросятся драться и нарываються на стоящего бойца.

– Да я не собираюсь драться с кем ни попадя...

– Это хорошо. Только ты сейчас так говоришь, а получаться начнет...

– Правда, начнет?!

– Сказал – не перебивай! – рыкнул Гуннар. – Я, парень, загадывать не берусь, но вижу – задатки у тебя есть. Если трудиться будешь до ломоты в костях и кровавых мозолей, то чего-нибудь и достигнешь. Понял?

– Понял.

– Вот и славно. Давай сюда Злое Жало...

Вратко невольно задержал копьё в ладонях несколько лишних мгновений. Не поймешь этого бородача: то обещает учить и хвалит, то начинает обвинять в несуществующих проступках и недостойных замыслах. Даже немножко обидно... И вдруг новгородец почувствовал спиной чей-то взгляд.

Он обернулся. Рядом с толстым каменным столбом, который соединял свод пещеры с неровным «полом», стоял один из военачальников динни ши. Как и все воины народа холмов, малорослый, но отлично сложенный – благородная осанка, гордый постав головы, дерзкий разворот плеч. Серебристые волосы указывали на его почтенный возраст. Не мальчик. Хотя вряд ли кто-то мог бы сказать точно, сколько зим встретил житель Полых Холмов. Может двести, а может быть и тысячу. Но, если подумать, двести годков для динни ши – ранняя юность. Значит, Лохлайну – Вратко лишь сейчас вспомнил имя подземельщика – не меньше тысячи.

– Чего надо? – не приветливо буркнул Гуннар, приближаясь к факелу, начинающему уже тухнуть. На динни ши он старался не смотреть. Кормщик опасался, что может не сдержаться и наговорить злых, возможно, даже несправедливых слов, а то и ударить карлика. К чему это привело бы, нетрудно догадаться. Королева Маб вряд ли спустила бы викингам nepотpeбствo. Тут и защита ворлока по имени Вратко не помогла бы. Она и так согласилась оставить урманов среди залов и коридоров Полых Холмов только после настойчивых уговоров новгородца. Счастье, что он ей нужен, и волшебница готова терпеть его капризы и потакать им.

Говорил Гуннар, ясное дело, на северном наречии, которое динни ши не понимали. Но Лохлайн, похоже, догадался – вскинул подбородок, сверкнул глазами-сапфирами. Проговорил, безразлично искривив губы:

– Не дикому зверю, которого приютили из жалости, задавать вопросы хозяину. Можно и плети отведасть.

Кормщик тоже не понимал ни единого слова из речей, произносимых народом Полых Холмов. Говорили они на древнем языке, странной смеси гэльского, распространенного среди скоттов, населяющих горные долины севера Британии, эринского, который использовали уроженцы Смарагдового острова⁹, и пиктского наречия, бывшего старым еще до римского нашествия. Но Гуннар уловил отлично тон, которым они были произнесены.

Набычился, сжал покрепче Злое Жало.

Лохлайн опустил ладонь на рукоять меча.

В стылом воздухе подземелья запахло дракой.

– Перестаньте! – решительно вмешался Вратко. – Позволю напомнить тебе о нашем договоре с правительницей народа Холмов, – обратился он к динни ши. А потом добавил для Гуннара по-урмански. – Ты хочешь помочь Хродгейру?

Лохматый кормщик потупился.

– И правда, чего это я, как дите малое... – Он махнул рукой. – Спрашивай его, Подарок, чего он хочет, да пойдем уже.

– Благородному Лохлайну что-то нужно? – взял быка за рога новгородец.

⁹ Поэтическое название Ирландии.

– Какие же вы, люди... – сквозь зубы процедил подземельщик. – Спесивые, грязные и нетерпеливые...

– Уж какие уродились, – отвечал Вратко, а сам подумал: «Зато люди надавали вам хорошенько, когда дело до драки дошло. И все ваши благородство, рассудительность и опыт не спасли. А уж что касается спеси, то тут вас не переплюнет ни один из правителей человеческих королевств, и даже сам Папа Римский, хоть он и мнит себя правителем над всеми людьми, даже королей заставляет себе поклоняться».

– Не уродились, а выродились. Словно дикие звери в лесных логовищах...

– Это все, что ты хотел нам сказать? – словен сам готов был вспылить, несмотря на то, что вот только сейчас успокаивал спорщиков. Но наглость динни ши его взбесила. Ишь ты! Прячутся в подземных схоронах, опасаясь нос на поверхность показать, вырождаются, мельчают, сходят с ума от злости и бессилия, а туда же – продолжают мнить себя высшими существами и, того и гляди лопнут от презрения.

Парень, не глядя на надменного воина, направился напрямик к выходу из пещеры.

– погоди, колдун, не так быстро! – остановил его Лохлайн.

«Ага! Вспомнил, что я колдун... Не забудь еще, что это твоя королева ищет моей помощи, а не я к ней прибежал со своими бедами».

– Ее величество приказала тебе явиться к ней, – негромко проговорил динни ши.

Вратко вздрогнул. Неспроста все это. Молчала, не желала удостоить даже встречи и беседы, а тут вдруг такая перемена!

– Ее величество больше ничего не велела передать? – поинтересовался новгородец, не надеясь, Впрочем, на внятный ответ.

– Тебе мало услышать королевскую волю, колдун? – Лохлайн дернул щекой, сдерживая гнев.

– Мне достаточно, – пожал плечами Вратко. – Хотелось просто знать больше.

– Меньше знаешь, крепче спишь, – неожиданно вернул поговорку воин-подземник. На гэлликe его слова звучали по-другому, однако новгородец перевел для себя сказанные динни ши слова именно так. – Выслушав волю ее величества, смертным существам надлежит не рассуждать, а исполнять! – С нажимом произнес Лохлайн.

– Я исполню волю великой королевы, – стиснув зубы, ответил парень. – Но знай и ты, дружба и благорасположение королевы Маб не помешают мне прочесть заклинание, обращающее твои кости в студень. Или насладь водянку, чтобы ты перестал проходить в двери собственных покоев.

На самом деле словен не ощущал в себе ни силы, позволяющей заколдовать кого бы то ни было из народа Холмов, ни решимости привести обещанное в исполнение. Но ради того, чтобы наблюдать заметно – даже в свете догорающего факела – побледневшее лицо военачальника, стоило пообещать и не такое.

Лохлайн сглотнул и невольно отступил на шаг.

– Ну, я пошел, – усмехнулся Вратко. – Можешь не провожать.

Парень заметил, что Гуннар подмигивает ему, и ответил кивком: мол, что поделать – с волками жить, по волчьи выть.

Плечо к плечу словен с урманом шли к выходу.

– Счастливого пути! – долетел в спину насмешливый голос Лохлайна. – Не заблудись, колдун.

– Я помню дорогу, – не оборачиваясь, ответил словен.

– В тронный чертог, возможно, и помнишь. Но ее величество ждет тебя не там.

Что-то новое... Где же может ждать его королева Маб?

– Куда ее величество велела привести нас? – Парень остановился, прищурился, пристально глядя на Лохлайна. – И будет ли королева довольна, если благодаря твоему презрению к людям, будет ждать меня напрасно? Или очень долго.

– Только поэтому я разговариваю с тобой, колдун. Ее величество никогда не сможет пожаловаться, что я плохо исполнил ее приказ. Или помедлил с исполнением, – не моргнув глазом, промолвил динни ши. – Следуй за мной. А своего медведеподобного спутника отправь отдыхать. Не худо было бы, чтобы он помылся при этом – псиной воняет.

– Что он зыркает в мою сторону? – пророкотал кормщик. – Того и гляди, дырку в рубашке прожжет глазищами.

– Он хочет, чтобы я пошел к королеве, – пояснил Вратко. – Один. Без тебя.

Гуннар раздумывал недолго.

– Я верю, что ты справишься, какой бы разговор не предстоял! – широкая ладонь викинга хлопнула новгородца по плечу. – На! Держи! – Он сунул в руки Вратко копье. – Путь эти бледные черви видят перед собой взрослого мужчину, бойца, знающего цену словам.

– Спасибо, – со всей сердечностью, на которую оказался способен, поблагодарил словен. Злое Жало легло на плечо и примостилось там, будто живая тварь, способная думать и помогать хозяину в трудную годину.

Вслед за горделиво выпрямленным Лохлайном, парень пошел по извилистому коридору. Что же следует ожидать от беседы с королевой-волшебницей?

Глава 2. Волшебный котел Керидвены

Всю дорогу Вратко размышлял – куда его ведут, почему королева решила призвать его не в тронный зал? Ответа не находилось, а спрашивать Лохлайна, высокомерно задравшего подбородок, не хотелось. Не дождется... Да и, по правде говоря, новгородец не был уверен, что динни ши снизойдет до ответа «грязному человеку». И плевать воину на союз, заключенный его королевой с человеческим колдуном.

Мертвенно-зеленый свет фонаря, который подземельщик держал в левой руке, скользил по стенам, заставлял двигаться причудливые тени, отбрасываемые каменными наростами и выступами на стенах хода.

Обычным огнем народ Холмов пользовался крайне редко – все больше для обогрева или приготовления пищи, а освещали вырубленные в камне жилища особыми грибами, круглыми, как пылевик, и большими – в два кулака Вратко. Созревая, эти грибы начинали излучать зеленоватый свет, наподобие гнилушек, ровный и достаточно яркий, даже чтобы читать свитки или играть в тавлеи¹⁰ – занятие, которому динни ши уделяли много времени. Правила игры немного отличались от принятых среди урманов, но когда Шефра – сухорукий подземельщик, приставленный к викингам не то прислугой, не то соглядатаем – обучил Гуннара, то кормщик начал выигрывать у динни ши три партии из пяти. Тот же Шефра рассказал любознательному новгородцу, как они выращивают грибы, называемые подземельщиками «деарладс¹¹», то есть «сияющие», и обещал даже когда-нибудь показать «грядки». В своих домах народ Холмов держал деарладс в наполненных землей горшках, а чтобы освещать путь укладывал в плетенные из лыка или лозы корзинки, называя их фонарями.

Викингам, гостившим в Полых Холмах, свет грибов не нравился. Олаф бурчал, что грибы лучше есть, а присвечивать нужно честным пламенем – горячим и живым, а этими гнилушками впору освещать Нифльхель¹², коли так уж приспичит тамошним обитателям.

Хотя, по мнению светлородного викинга, обиталища под холмами мало отличались от преисподней вечного холода и мрака...

– Пришли! – оборвал раздумья новгородца Лохлайн. Зло так сказал, неприятно. Будто пролаял. А, впрочем... У него ведь и имя такое – словно пес злится из-за забора, а достать не может.

Динни ши отступил в сторону, приподнимая лукошко с грибом.

Вратко устался на каменную плиту, по поверхности которой мастер-резчик пустил виться и переплетаться диковинные травы и побеги. Ну, да... У них ведь все коридоры перекрываются такими дверьми. Открывают их, нажав на цветок или лист, но на какой именно, нужно знать наверняка, а иначе можно и в ловушку угодить.

Где ключ к этой двери, парень не знал. Поэтому он молча ждал, когда динни ши соизволит открыть проход.

Но серебряноволосый воин не торопился. Стоял и мерзко улыбался. Вратко переступил с ноги на ногу, посмотрел на провожатого в упор.

– Что, не помогает тебе чародейская сила? – оскалился Лохлайн. – А, колдун?

Новгородец и сам готов был признаться, что нет у него никакой колдовской силы и в помине. И, обратиться к нему подземельщик по-хорошему, вместе с ним посмеялся бы над соб-

¹⁰ Настольная игра, наподобие шашек. Была известна на севере Европы задолго до появления там шахмат. В Скандинавии эта игра была известна уже в III веке н. э. Впоследствии викинги завезли ее в Гренландию, Исландию, Уэльс, Британию, и на восток, вплоть до Киевской Руси.

¹¹ Deàlradh – сияние (гэльск.).

¹² Нифльхель – царство мертвых, страна вечного мрака в скандинавской мифологии.

ственной беспомощностью перед хитроумным запором. Но спускать наглому, истекающему презрением к людям Лохлайну? Ни в коем случае! Считают его колдуном?

Хорошо! Тогда не обижайтесь!

Строки сложились в вису сами собой:

– Древом дверь изрезана.
Верю – зря работали.
Ворлок словом правильным
Сладит вдруг с запорами...

Серовато-желтая плита задрожала. Гул прокатился по извилистому ходу, отражаясь от стен. «Вот это да! – пронеслось в голове словена. – Неужели, получается?!»

– Кость холма исконная
Сколом хрупким ломится...

– Стой! Остановись, колдун! – побелевший лицом Лохлайн дернулся к новгородцу.

Вскинутая Вратко ладонь заставила динни ши замереть с вытянутыми руками – о болтающемся на поясе мече он забыл.

– Ты этого хотел? – парень, как мог, попытался повторить нахмуренные брови и строгий взгляд Харальда Сурового. Кажется, ему это удалось, ибо воин подземного народа отвел глаза, сник, как цепной кобель, увидевший крепкий кол в руках незваного гостя. – Так я продолжаю?

– Не нужно... – Лохлайн повернулся к двери, но не успел прикоснуться к резному узору. Створки дрогнули и поползли в стороны, скрываясь в стенах.

– Ты? – зашипел подземельщик.

– Нет, я! – раздался громкий, исполненный гнева голос.

Королева?

– Входи, Вратко из Хольмгарда! – приказала Маб.

Новгородец шагнул через порог. Лохлайн дернулся было, чтобы опередить (как это благородный наследник Туата Де Дананн уступит первенство жалкому человечешке?), но потом чего-то испугался – то ли недовольства правительницы, то ли гнева чародея – и застыл с поднятой ногой. Вышло смешно. Вратко еле удержался, чтобы не хихикнуть помальчишечьи. И хорошо, что пересилил порыв – не к лицу грозному чародею.

Пещера, прятая за чудом уцелевшей дверью, выглядела заметно большей, чем тронный зал. Во всяком случае, стены ее тонули в густом мраке. Развешанные то тут, то там на вросших в каменный пол известковых сосульках корзины с деарладс бросали зеленоватые отсветы на низкий продолговатый стол, служивший, скорее всего, алтарем. У его подножья горел очаг. Настоящий, с багровыми углями и рыжеватыми, трепещущими от малейшего дуновения лепестками пламени.

– Входи, Вратко из Хольмгарда! – повторила королева.

Ее лицо, озаренное снизу алым светом очага, а сверху гнилушечной зеленью, напоминало жутковатую маску. Воистину, привидеться такое могло лишь в ночных кошмарах. Застывшая рядом Керидвена выглядела не лучше. Даже хуже из-за носа, напоминающего вороний клюв и густых, сросшихся на переносье бровей. Ведьма. Как есть, ведьма.

Новгородец сбросил с плеча копье, пристукнул пятой оскепища о валун – похоже, эту пещере стремились сохранить нетронутой, не оскверняя ее прикосновением кайла или резца каменотеса, – и поклонился.

– Поздорову тебе, великая королева. И тебе, чародейка Керидвена. – Тут Вратко увидел стоящего в тени Морврана, поклонился военному вождю. – И тебе поздорову, кеанкиннид¹³.

Сын Керидвены, уродливый горбун, которого поставили главенствовать над воинами динни ши, несмотря на презрение последних ко всему роду человеческому, оскалил желтые лошадиные зубы:

– Неужто сам бог Луг со своим копьем Ассал к нам в гости пожаловал? Или это – Один, Отец Дружин, а копье именуется Гунгниром?

– Помолчи! – дернула плечом колдунья.

Морвран хохотнул злым, каркающим смешком, но послушался.

– Лохлайн! – зазвенел голос королевы Маб.

Воин поравнялся с Вратко, опустил на правое колено, склонил голову.

– Сколько я буду терпеть твои глупые шутки? – королева говорила ровно, без гнева, но от этого ее слова казались еще более весомыми. У словена даже мурашки побежали между лопаток, когда он на краткий миг примерил на себя шкуру провинившегося динни ши.

– Ты даешь волю своим чувствам вместо того, чтобы исполнять приказы, – продолжала правительница. – Ты испытываешь мое терпение, Лохлайн?

– Я... Я прошу простить меня, моя королева... – осипшим голосом произнес воин.

– Терпение твоей королевы не безгранично, Лохлайн, – удрученно покачала головой Керидвена. – Ты разочаровал нас.

– Я приношу свои извинения. Готов искупить вину кровью.

– Я не думаю, что ты достоин прощения, – холодно заметила Маб. – Опрометчивость в словах и поступках простительна для юнца, не разменявшего второй сотни зим. Но ты, Лохлайн... Чему будут учиться у тебя молодые воины?

– Моя королева... Я жизнь готов положить...

– Если будет нужно, то положишь. Сейчас же детской шалостью ты заставил хольмгардского колдуна прибегнуть к заклинаниям такой силы, что этот холм мог сравняться с землей. Зачем ты это сделал, Лохлайн? Может быть, ты хочешь моей смерти? Или смерти Керидвены? Или Морврана? Или, возможно, ты желаешь разрушить в прах наши Полые Холмы?

Плечи динни ши напряглись.

– Тебе известна моя преданность, моя королева.

– Которая перемежается с мальчишескими выходками? Ты разочаровал меня, Лохлайн. Передай Риордану – отныне он командует твоей полусотней. Ты не возражаешь, Морвран?

– Нет, моя королева, – скрипнул сын Керидвены.

– Хорошо. Ступай прочь, Лохлайн.

Воин поднялся с каменным лицом. Отвесил королеве учтивый поклон. Развернулся и прошагал мимо Вратко с гордо поднятой головой.

Чародейки проводили его суровыми взглядами.

Новгородец подумал, что наказание, постигшее динни ши, слишком уж серьезное, не по величине проступка. Хотя, с другой стороны, кто он такой, чтобы оспаривать слова королевы малого народца? И откуда он знает, что вытворял горячий Лохлайн раньше? Может, и вправду, чаша терпения уже переполнена? Тогда и леший с ним...

Парень хотел спросить королеву Маб, зачем она его позвала, но потом сообразил, что это будет крайне неучтиво – первым заговаривать с хозяйкой. Пускай сама скажет, что хочет? Хотелось бы еще узнать, почему в течение десяти дней она скрывалась... Ну да ладно.

Не все же сразу.

А пока он решил оглядеться по сторонам.

¹³ Ceann-cinnidh – вождь, глава клана (гэльск.).

Пещера мрачная, не похожая на те, в которых словену доводилось бывать раньше. Очень высокая – «потолка» не видать. Широкая. А затаившиеся между стволами каменных деревьев тени наводили на мысль о ее бескрайности. То ли стол, то ли алтарь, стоявший почти у входа, казался вырубленным из цельного камня. Возможно из «пенька» каменного столба. Он был, похоже, единственным, к чему прикасалась рука человека... Ну, или Туата Де Дананн, или цвергами¹⁴, или кто там еще мог работать с камнем в йоркширских холмах? Даже принятая парнем за очаг груды тлеющих углей лежала просто в углублении, очевидно принесенная сюда с неизвестной целью.

А вот позади алтаря!

У Вратко глаза полезли на лоб, когда сквозь мутноватый, но прозрачный камень (а может, лед?) он разглядел застывшее в нелепой позе тело человека.

Зрелище сразу вызвало в памяти забавные безделицы, виденные еще на родине. Прусссы и жемайты, живущие на берегах Варяжского моря, иногда привозили на новгородский торг осколки медово-желтых, теплых на ощупь камней. Купцы называли его алатырь¹⁵, ценили не очень дорого за ломкость и податливость огню. Поговаривали, будто их него был некогда построен замок подводной царевны Юрате, который разрушил стрелами-молниями грозный жемайтский бог Перкунас – он разгневался, что морская владычица предпочла ему простого рыбака. Выточенные из алатыря бусы, благодаря яркому живому цвету, теплу и, что тоже немало важно, дешевизне, пользовались спросом среди новгородских молодежи и девок. А больше всего ценились те камушки, в которые неведомым промыслом попали всяческие букашки-комашки: мухи, муравьи, жуки-долгоносики, комары...

Вот и заточенный в мутноватый плен мужчина – судя по длинной белой бороде, старик, статный и высокий, не уступающий ростом Гуннару, – напоминал эдакого жукапереростка, попавшего в середину медвяного алатыря. Он воздел руки, будто бы грозя обрушить кару на неведомых врагов. Его глаза сверкали даже сквозь дымку и легкую паутину трещин. Посох, зажатый в мохлявой правой руке, и замысловатый оберег на груди не оставляли сомнений – в камне заточен волшебник. Причем силы немалой. Если королеве Маб удалось с ним справиться, то непонятно, зачем ей могла понадобиться помощь Вратко? Да она размелет в мелкую пыль всех христианских монахов, какие найдутся в английских землях, даже если они соберутся в кучу. А после по ветру развеет, чтобы и следа не оставалось от римской церкви на островах. Ей отец Бернар, с его молитвами и мощами реликвиями, на один зуб. Как воробей степному орлу. Как пескарь щуке. Как мышь-полевка клыкастому волку...

– Это Мирддин, – проследила взгляд Вратко королева. – Искусный бард и могучий друид, в совершенстве владеющий чародейством. Его история очень поучительна и неразрывно связана с именем вождя скоттов Артуруиса¹⁶... Но стоит ли сейчас тратить драгоценное время на воспоминания былого?

– Если это не помешает нам выполнить то, ради чего мы здесь собрались... – осторожно ответил новгородец.

– Мне кажется, не помешает, – вмешалась Керидвена. – А кое-кому послужит и уроком.

«Кому же это? – подумал парень. – Неужели они нарочно привели меня в эту пещеру, где заточен с незапамятных времен старик-чародей, чтобы напугать, показать свою силу?»

– Ты несправедлива к Вратко из Хольмгарда, – на удивление мягко проговорила Маб. – Он еще ни одним поступком не поставил под сомнение крепость нашего договора. И не поставит, я думаю.

¹⁴ Цверги – карлики, чудесные кузнецы в скандинавской мифологии.

¹⁵ Алатырь или латырь – янтарь.

¹⁶ В изложении легенды о короле Артуре я отталкивался от исследований шотландского ученого Давида Ф. Кэрролла «Артур. В поисках Камелота» (David F. Carroll, «Arturius. A Quest For Camelot»). *Примеч. автора.*

«Теперь уж, конечно, не поставлю. Нет у меня ни малейшей охоты оказаться рядом с этим выпучившим глаза старцем. Чем он им насолил, любопытно знать?» – подумал парень. Но вслух сказал:

– Я держу однажды данное слово. Но судьба Хродгейра заботит меня, признаться, больше, чем посмертие этого Мирддина, сколь сильным ворлоком он не был при жизни.

– Что же именно так заботит тебя, Вратко из Хольмгарда? – чуть-чуть приподняла бровь королева.

– Вот уже десять дней, как мы гостим у тебя, великая королева. А Хродгейр Черный Скальд остался наверху, в окружении врагов. Что, если он ранен и нуждается в помощи лекаря? А вдруг он попал в плен? Слишком много времени...

– Не берись судить о том, что недоступно твоему скудному разуму! – прервала его речь Керидвена. – За время, проведенное вами в Полых Холмах, с Хродгейром не могло ничего случиться!

– Это еще почему? – искренне удивился Вратко. – Разве десяти дней мало?

– Я могу доказать! – воскликнула чародейка, но королева Маб остановила ее движением руки.

– Ты, очевидно, не знаешь, Вратко из Хольмгарда, – сдержанно проговорила она, – что время у нас и наверху течет с разной скоростью.

– Это как? – новгородец разинул рот. Он о подобном даже не слышал никогда. Время, оно время и есть. С ним ничего сделать не может. Чай, не ручей, чтобы то быстрее, то медленнее течь.

– Так повелось с незапамятных времен, – пояснила Маб. – Догадываюсь, о чем ты думаешь, но это не моя заслуга...

Вратко не думал ни о чем, но едва не вздохнул с облегчением, услышав признание правительницы. Если бы она сейчас сказала, что способна повелевать течением времени...

– По моему мнению, это заслуга Богини Дану, – после долгого молчания произнесла королева. – Она создавала Полые Холмы, она же заложила и законы изменения времени здесь, в пещерах, которые стали последним приютом наследникам племен Туата Де Дананн.

Когда наверху проходит один день, здесь – не меньше седмицы. А иногда – четыре или пять.

– Я не понял... – оторопело пробормотал новгородец. Удрученно вздохнул. – Я ничего не понял.

– Чего ты не понял, Вратко из Хольмгарда?

– Я еще могу согласиться, что ты уподобила время реке, великая королева. Что время обладает скоростью... Хотя мне трудно представить себе это...

– Ты еще многого не можешь себе представить, – неприязненно усмехнулась Керидвена. – Это – свойственно юности. Недостаток опыта. Недостаток знания о жизни.

– Конечно, я молод, благородная Керидвена из. Возможно, я не обладаю мудростью великих чародеев. Несомненно, я не владею оружием, как пристало знаменитым рыцарям и военным вождям, – Вратко говорил, чувствуя, как в груди закипает гнев, и изо всех сил сдерживал его. – И уж, каждому ясно, колдун из меня так себе, ни рыба ни мясо. Но... Я – сын купца. Чего-чего, а считать приучен с детства. Не ответит ли мне благородная Керидвена из Ллин Тэдиг, сколько зим видела она на своем веку?

– Пристойно ли задавать женщине такой вопрос? – сверкнула глазами чародейка.

– Ужели ты стесняешься своего возраста?

– Просто воспитанные люди...

– Да перестань ты! – одернула ее Маб. – Хватит ломаться!

Керидвена осеклась.

– Шестьсот восемьдесят четыре... – процедила она сквозь зубы.

– По здешним меркам или по человеческим?

– По человеческим.

– И сколько из них прожила ты в Полых Холмах?

– Пятьсот будет. Что это за вопрос?!

– Не торопись, благородная Керидвена из Ллин Тэдиг, не торопись. Ответь мне лишь, как ты могла достичь такого почтенного возраста, если время в Полых Холмах течет быстрее, и ты должна была отмерянный обычному человеку век прожить за пятьдесят лет?

Волшебница захлопала глазами, судорожно разевая рот. Королева Маб беззвучно захотала.

Новгородец в душе торжествовал. Но и ответ на поставленный вопрос хотелось услышать тоже.

– Скудоумный звереныш... – просипела, наконец, Керидвена.

– Довольно, – нахмурилась правительница. – Ты порадовал меня, Вратко из Хольмгарда. Не зря я предложила тебе дружбу и военный союз, ибо ты выказываешь мудрость, достойную просветленного друида, но никак не мальчишки из купеческой семьи...

– Да чего там? – поклонился словен. – Мы, новгородцы, народ ухватистый... Где один новгородский купец прошел, там трем флорентийцам делать нечего. У нас так говорят.

– Я не знаю, насколько остры умом прочие выходцы из Гардарики, но ты сегодня заставил меня задуматься. А Керидвену заставил ощутить неловкость. Не многим это удавалось со времен друида Мирддина, поверь мне. – Она оглянулась на застывшего в камне чародея. – А что до срока жизни в Полых Холмах, то тебе известно уже, большинство их обитателей бессмертны. Это, опять же, заслуга Богини Дану и избранного ей народа – Туата Де Дананн. Нынешний народ Холмов – динни ши – пользуются лишь малой толикой наследия былых времен. Но и люди, попадающие к нам, живут дольше, несмотря на скоротечность времени. И чем дольше они остаются в залах и пещерах Полых Холмов, тем больший век отмерян им, даже если возвращаются они на поверхность земли, к солнцу и листве, к соплеменникам или недругам своим. Избравшие же путь дружбы с народом Холмов, как чародейка и прорицательница Керидвена из Ллин Тэдиг и сын ее, славный воин, Морвран, могут прожить век, в десятки раз превышающий те, что отмеряны даже самым крепким телесно людям.

Вратко кивнул. Он понимал, что сказанное королевой, с ходу не постигнешь разумом. Можно только услышать, принять и согласиться. А потом уже, по зрелому размышлению можно будет принять ее объяснения не сердцем, а разумом. Лгать ему королеве Маб, похоже, нет резонов.

– Не думай, – продолжала она, – что бесконечная жизнь в подземельях, медленная и размеренная, доставляла такое уж удовольствие племенам Туата Де Дананн. А следом за ними и динни ши. Уже рассорившись окончательно с людьми, выдержав не одну войну, они все равно стремились к свежему воздуху и дуновению легкого ветерка, к благоуханию цветов и шепоту листвы, к аромату плодов в садах и горячему дыханию загнанного оленя в буковых лесах. Динни ши не рисковали более покидать убежища днем – люди даже выдумали сказку, что солнечный свет страшит их, а неосторожных, зазевавшихся или просто отчаянно отважных, ждет лютая смерть – прикосновение солнечного луча якобы обращает их в камень. Это ложь. Выдумка досужих болтунов. Не солнце страшно народу Холмов, но стрелы, копья и мечи бриттов и скоттов, пиктов и саксов. Страшно пламя факелов в руках монахов-фанатиков и поджугиваемой ими черни. Страшен крест и молитвы, обращенные к Белому Богу южан, чье имя я не желаю даже произносить здесь, в заклинательном чертоге моей страны.

Королева перевела дыхание. Морвран и Керидвена стояли молча, не перебивая и даже не двигаясь, чтобы невольным жестом не сбить правительницу с мысли.

– Иногда динни ши выбирались лунной ночью, подставить щеки лучам ночного светила, посмотреть на россыпь ярких звезд. Они танцевали на лугах, водили хороводы среди холмов.

Они скакали среди долин, упиваясь бьющим в лицо упругим холодным ветром, преследовали дичь и пугали загулявших поселян. Они наслаждались скоротечностью времени на поверхности земли. Так было до недавнего времени. Люди, поклоняющиеся Лугу и Нуадду, Вотану и Тюру, Цернунносу и Эпоне, кое-как мирились с соседством малого народца. Даже римляне, чтившие Юпитера и Марса, Юнону и Венеру, с грехом пополам терпели Туата Де Дананн, как терпели в рядах своих легионов варваров, поклоняющихся иным богам. Так было долго... Пока с юга, из-за лазурного моря, из-за горячих пустынь и раскаленных жарким солнцем скал, не пришли монахи, которые молились распятому богу. Их бог был добрым и незлобивым, он принял смерть на кресте от рук римских солдат, желая искупить грехи людские, но его последователи принесли на землю Англии непримиримость, жестокость и упорство в искоренении инакомыслящих. Они объявили малый народец приспешниками Сатаны. Они зовут праздничные поезда динни ши Дикой Охотой. Если они обнаруживают вход в Холм, то срывают наши жилища до основания, а землю засыпают солью, чтобы и воспоминания не осталось о племенах Богини Дану!

Голос королевы звенел праведным гневом, глаза сверкали. Впервые Вратко заметил на ее бледных щеках румянец возбуждения.

Морвран, слушая правительницу, еще больше сторбился, едва не касаясь кулаками каменной под ногами. Кеан-киннид скалился, будто готовясь уже сейчас вцепиться в глотку монахам, принесшим столь много горя малому народцу. Керидвен сохраняла на лице бесстрастное выражение, но буравила глазами каменный столб с заключенным в нем чародеем. Показалось Вратко или нет, но седой бородатый старик легонько покачал головой. Скорее всего, показалось.

– Не пора ли нам приступить к делу, ради которого мы тут собрались? – Керидвена повела костлявым плечом. Она наклонилась к затухающим углям, взмахнула широкими рукавами. Алый отсвет озарил лицо чародейки. Затрепетали тени под потолком и в углах.

Не из-за неровного ли света новгородцу почудилось движение замурованного в камень?

– Да! Пора! – королева Маб кивнула. – Вратко из Хольмгарда!

– Слушаю тебя, великая королева.

– Мне ведомо, что ты затаил в сердце обиду на нас, Вратко из Хольмгарда. И не пытайся возражать! Я не просто чувствую, я знаю. Ты думал, я нарочно скрывалась от тебя, нарушая наш договор?

Парень хотел возразить, но потом не стал кривить душой. Ведь он и в самом деле так считал. Решил просто слушать дальше, не вмешиваясь и не показывая чувств.

– Не пытаешься оправдаться? Это хорошо, – заметила королева. – Этим ты по крайней мере не разочаруешь меня. Люди склонны к подозрительности. Повсеместно нарушая клятвы и обещания, они подозревают все прочих существ в том же грехе. Но у тебя есть хотя бы мужество не унижать себя оправданиями. Но... Должна сказать тебе, Вратко из Хольмгарда, мы медлили не потому, что нам безразлична судьба твоего потерявшегося друга. Направлять отряд в неизвестность – не входит в мои замыслы. Динн ши осталось слишком мало, чтобы рисковать ими попусту. Мы решили вначале попытаться посредством волшебства определить местоположение этого скальда... Хродгейр, кажется?

Вратко кивнул.

– Так вот. Узнать, где находится Хродгейр, здоров ли он и многое другое можно при помощи волшебного котла.

– Котла? – не выдержал словен. Слишком уж сильно было его удивление. Ведь десяти дней не прошло, как королева Маб утверждала, что священная реликвия Туата Де Дананн утрачена, похищена пиктами в седой древности. То есть, для людей в древности. Для малого народца и прибившихся к ним чародеев – позавчера. Слишком долгую жизнь они ведут. Пикты разрушили семнадцать древнейших святилищ Туата Де Дананн, укрытых под холмами Мерсии

и нашли в одном из них священный Котел Перерождения, который объявили Чашей и начали поклоняться ему. Вот и ветвь пиктского народа, из которой происходила Рианна, как раз служила Чаше. Правда, от вероломного священника, отца Бернара, новгородец слышал другое. Монах утверждал, что пиктская Чаша – это Святой Грааль, христианская святыня. В нее последователь нового учения, Иосиф из Аримафеи, собрал кровь Иисуса Христа, вытекшую, когда один из римских легионеров пробил копьем бок Сына Божьего. Кто из них прав? Что на самом деле представляет собой Чаша: Котел Перерождения или Святой Грааль? Не добравшись до реликвии, сказать нельзя. А как до нее добраться, если Рианна, последняя в роду хранителей Чаши, так и не успела получить от матери и бабки древние знания?

– Что тебя удивляет, колдун? – подалась вперед Керидвена.

– Вы говорили, что Котел Перерождения утрачен, похищен у племен Туата Де Дананн.

– Так и есть, – мрачно кивнула королева. – Со времени нашего последнего разговора, ничего не изменилось. Котла Перерождения у нас по-прежнему нет. Но мы изготовили, еще лет триста тому назад, подобие волшебного котла. Признаюсь честно, работа подземных кузнецов-искусников стоила недешево, да и чары, которые мы накладывали на него впоследствии, тоже дорого обошлись – Керидвена восстанавливала силы почти двадцать лет. Но новый котел оказался хотя и бесполезной вещью, однако не достиг и сотой части от силы истинного Котла Перерождения. Вот так вот... – Маб вздохнула. – Но кое-что мы можем творить и с его помощью. В частности, использовать его как волшебное зеркало, позволяющее пронзать пространство и время, заглядывать в близкое будущее и узнавать, что творится за морем. Или вблизи, но когда мы не знаем толком, где искать и куда обратить взор. Тебе понятно? Не слишком туманно я говорю?

– Понятно, – обнадежил ее словен.

– Ты понятливый... – протянула Керидвена. – Для человека очень понятливый.

Она усмехнулась неизвестно чему. Наклонилась, без усилий подняла небольшой котел, скрывавшийся раньше за алтарем.

Вратко залюбовался тонкой работой. Не иначе, цверги ковали...

Котел, сработанный, по всей видимости, из бронзы, больше походил на плетеную из лозы корзинку. Витые ручки-проушины, стебли и побеги с нераспустившимися бутонами по ободу. Красиво. Очень красиво.

Колдунья установила котел над очагом. Тотчас из темноты появились две мохнатые тени: круглые желтые глаза, заостренные уши, бурая шерстка и длинные тонкие пальцы. Увидев их впервые в тронном зале королевы Маб, новгородец принял малышей за медвежат, и уж после узнал, что это – брауни. Вульфер когда-то упоминал о них, называя так здешних домовых. Добрые и трудолюбивые существа, отличная прислуга. Правительница Полых Холмов держала их при себе для всякой домашней работы.

Брауни присели возле очага и принялись раздувать угли, смешно вытягивая губы в трубочку.

Вскоре в котле забурила вода. Слишком быстро, чтобы усомниться в колдовской силе сосуда.

– Думай о Хродгейре! – приказала королева. – Думай о нем изо всех сил.

Представляй его облик, его нрав, вспоминай его речи и поступки.

«Да пожалуйста. Если это поможет...»

Вратко прикрыл глаза, не забывая из-под ресниц поглядывать на волшебниц и скрывающегося в темноте Морврана.

Керидвена встала прямо над котлом. Откуда-то из складок одежды она выхватила полотняный мешочек. Развязала горловину, кинула щепоть неизвестного снадобья в кипящую воду.

– Цвет горлянки! – ломким голосом воскликнула колдунья.

Следующий мешочек:

– Пусторосль!

Еще щепоть.

– Щитовника корень!

Стараясь не отвлекаться на волшебницу, Вратко вызывал воспоминания о Хродгейре. Воин, вождь дружины викингов. Скальд, мастерски связывающий слова в строки, а строки в висы. Мечник, в одиночку стоивший нескольких бойцов.

– Семисильник!

– Думай, думай, Вратко из Хольмгарда! – размеренно повторяла королева Маб.

– Мухомор!

«Ну, же! Где ты, Черный Скальд? Живой ли?» – Мыльный корень!

Новгородец зашевелил губами, облекая по сложившейся уже привычке, мысли в кеннинги и хейти:

– Черен скальд очами,

Ясень мечна черена.

Недругу оружному

В руки...»

– Омела! – выкрикнула Керидвена, срываясь на визг. Взмахнула рукавами над колдовским зельем. Завыла, как раненная волчица, задирая подбородок. – Сюда, ворлок, сюда!

«Что ж мне не дают ни одну вису до конца сказать? – подумал Вратко, подходя поближе. – Или боятся? Неужели они больше верят в мою колдовскую силу, чем я сам?» – Смотри! – ледяные пальцы колдуньи вцепились в рукав, потянули его к котлу.

Новгородец, затаив дыхание, посмотрел на поверхность отвара. Еще несколько мгновений назад она бурлила, исторгала клубы пара и брызги, теперь же – застыла, словно зеркало. И в этом зеркале отражались лица и фигуры людей. Вратко узнал черную, сильно выделяющуюся среди светловолосых урманов, бороду Хродгейра и серебристый клочок седины на подбородке.

Глава 3. Загадка Хродгейра

Вода в котле застыла, словно отполированное серебряное зеркало.

Новгородец увидел на ней вначале тени, как на глади пруда. Потом эти тени стали четче и яснее, черты людей приобрели узнаваемость. Хродгейр в потрепанной кожаной куртке, в которой он вступил в битву при Стэмфордабрюгере, сидел, опираясь подбородком о кулак. Лицо Черного Скальда несло отпечаток усталости – темные круги под глазами, отекавшие веки. Но норвежец не был напуган или рассержен. Напротив, на губах его играла легкая улыбка, будто бы он беседует со старым знакомцем.

– Смотри внимательно, ворлок! – звенел откуда-то издалека голос Керидвены. – Смотри! Обманывала я тебя?

Вратко не сопротивлялся. Смотрел.

Злое Жало выпало из пальцев, зазвенело стальной оковкой по камням, а он и не заметил потери.

С кем же разговаривает Хродгейр?

Будто бы послушавшись его мысленного приказа, изображение в чародейском котле сместилось, отодвигаясь вглубь.

Парень хрюкнул, едва не подавившись, наклонился над котлом, а потом опустился на колени, опасаясь упустить хоть малую толику из открывшегося его взору.

Напротив Черного Скальда, сложив ладони перед грудью, сидел отец Бернар. Монах нисколько не изменился с того вечера, когда отправил новгородца в лес на съедение диким зверям. Та же худая шея, выглядывающая из воротника черного одеяния, словно голодный птенец из гнезда. Те же впалые щеки, покрытые седой щетиной – еще бы, в лесу бриться негде, хотя обычай латинских монахов и предписывает срезать лишние волосы с лица. Те же мягкие волосы, светлым венчиком окружающие черную шапочку. Губы святоши шевелились. Молитву читает? А почему же Хродгейр сидит так спокойно? Викинг, хоть и говорил надо и не надо, что крещен по обычаю Римской церкви, любви к священникам не имел ни малейшей. Зато при каждом удобном случае, а в особенности в мгновения опасности или душевного напряжения, поминал урманских асов – Одина, Тора, Ньёрда и Хеймдалля, ругаясь, проклинал йотунов и троллей. То есть вел себя не совсем так, как подобает доброму христианину. А тут улыбается, кивает в такт словам Бернара.

– Не может быть... – прошептал Вратко.

– Волшебный котел не обманывает, – жестко проговорила королева Маб. – Во всяком случае, не обманывал до сих пор.

Новгородец заморгал, пытаясь прогнать наваждение. Ущипнул себя за руку.

Достиг он лишь того, что видение в котле сместилось, показав третьего человека, присутствующего при беседе.

Рыцарь в яркой накидке поверх кольчуги-хауберка. Вышитая красным собака стояла на задних лапах, удерживая в передних маленькую корону. Вратко сразу узнал это герб, как и узнал вытянутое лицо сакса, его темно-русые с проседью волосы и ровно подстриженную бородку. Эдгар Эдвардссон, привезший отцу Бернару священную реликвию – кусочек ногтя Иисуса Христа, остриженный после того, как тело его сняли с креста. Он прибыл в Нортумбрию тайно, скрываясь и от саксов, и от норвежцев. И не зря, ибо служил Вильгельму Бастарду¹⁷, герцогу Нормандскому. Верой и правдой служил... Хотя, насчет последнего Вратко

¹⁷ Вильгельм Нормандский (1027–1087), прозванный впоследствии Завоевателем, был незаконным, но единственным сыном герцога Нормандии Роберта Второго Дьявола и Херлевы, дочери кожевника (по другой версии – дочери небогатого рыцаря).

здорово сомневался. Вот о том, что Эдгар рассчитывает в случае победы нормандцев стать, самое малое, наместником Вильгельма в Англии, он знал наверняка. Слышал из уст самого претендента. Тот, разговаривая с покойным Модольвом Кетильсоном в лесу, на берегу Дервента, настолько разошелся, что даже предложил хевдингу графство Нортумбрию на золотом блюде.

Позже Эдгар Эдвардссон травил маленький отряд викингов, выручивших из плена Вратко и Марию Харальдовну, словно диких зверей. И неизвестно, чем бы все закончилось, не найди Рианна вход в Полые Холмы. Они спаслись, а Хродгейр остался прикрывать беглецов. Словен мог поклясться хоть кровью Христа, хоть молнией Перуна, хоть молотом Тора, что слышал звон мечей и крики – Черный Скальд не шутил с врагами и, по обыкновению, расправлялся с ними быстро и надежно.

Это по обыкновению...

А тут сидит довольный и благостный. Никакой вражды. Да и Эдгар с отцом Бернаром настроены дружелюбно, словно не скальд-урманин пред ними, а посланник от Папы Римского.

Что же случилось с Хродгейром? Как они умудрились подкупить его, завоевать расположение? Уж не золотом-серебром, это точно, не из тех он людей.

А вот обещанием славы могли? Могли...

Посулили подвиги, сражения, победы. Например, пообещали помочь отомстить саксам за гибель норвежского войска. Ну, или что он будет помогать воздать за кровь друзей и соратников другим, более сильным и могущественным мстителям. Тому же герцогу Вильгельму...

Да нет, вряд ли... Вождь викингов слишком хорошо знает предательскую натуру монаха, которому нельзя доверять ни за какие коврижки. А может быть, отец Бернар взял норвежца «на крючок» чем-то другим? Ну, обманом, например, как это водится у латинян... Сказал, что хродгейровы друзья захвачены в плен, и жизнь их теперь зависит от его сговорчивости. Вот это похоже на правду больше всего остального...

– Ты убедился, Вратко из Хольмгарда, что твой друг жив и здоров? – голос королевы оторвал парня от размышлений.

– Достаточно ли? – вторила правительнице Керидвена. – Мои силы не бесконечны. Такое волшебство требует полной отдачи.

Вратко поднялся с колен. Наверное, у него было такое ошарашенное лицо, что королева повторила еще раз:

– Волшебный котел не лжет.

– Он подчинялся тебе. Твоим мыслям, твоей памяти, – пояснила Керидвена. – Я лишь подтолкнула колдовство в нужное русло. Ну, и для начала оживила его. – Добавил она не без самодовольства. – Разожгла волшебство, как разводят костер. Это чтоб тебе было понятнее, ворлок из Гардарики.

– Мне все понятно, – кивнул Вратко. – Я рад, что Хродгейр жив. Знаю, мою радость разделят все мои спутники и друзья. Мне нужно как можно быстрее сообщить им эту новость.

– Новость! – фыркнула колдунья. – Я говорила, что он целехонек, еще при нашей первой встрече!

– И все-таки я должен был убедиться, – твердо ответил парень. – Прости, благородная Керидвена из Ллин Тэдиг, если ты потратила слишком много сил на мою мимолетную прихоть. Я готов был помочь тебе своей волшбой, но ты не захотела...

– Ты мог испортить все, начатое мной, своей топорной работой. Стоит ли молотобойцу заниматься работой златокузнеца?

– Прошу простить меня еще раз...

– Там, где нужен точный укол в самое сердце, ты грозишь обрушить скалу на голову врага! Вратко скрипнул зубами.

– Я попросил прощения. Я хотел как лучше...

– Ты не знаешь пределов своей силищи, доставшейся тебе не по праву...

– Прекрати, Керидвена! – устало проговорила королева Маб. – Хватит препираться. С годами ты становишься такой мелочной.

Колдунья тряхнул распущенными волосами, вскинула подбородок.

– Хорошо. Я умолкаю!

– Я не потерплю ссор между союзниками, – продолжала владычица Полых Холмов. – А ведь мы все союзники. Вы согласны?

Новгородец пожал плечами, склонил голову, соглашаясь. Керидвена кивнула так легко, что сторонний наблюдатель мог и не заметить, но Маб предпочла сделать вид, что все хорошо, и ее слова достигли сердец спорщиков.

– Теперь, Вратко из Хольмгарда, когда ты видел живого Хродгейра в нашем волшебном котле, как ты собираешься поступать?

– Я хочу найти его, – просто ответил парень. И добавил, во опасаясь быть неправильно понятым. – Хродгейр нужен нам. Он отличный мечник, опытный вождь, искусный в воинском ремесле.

– Полно, да захочет ли он якшаться с порождениями Сатаны? Ведь твой викинг так мило беседовал со святошей, чума ему в кровь!

– Не захочет, неволить не стану. – Словен решил стоять на своем до победы. Пускай попробуют переспорить новгородского купца. – Но поговорить с ним хочу. А так же отпустить тех урманов, что попали под ваши холмы со мной. Они – люди Хродгейра, его дружина. Если захотят уйти, то...

– Скатертью дорога, – голосом, наполненным презрением, бросила Керидвена. Опять она вмешивается!

– Да! Скатертью дорога. А еще у нас говорят: вот – Бог, а вот – порог. Они свободные хирдманы¹⁸, а не рабы. Имеют право поступать по своей воле.

– Что ж... – задумчиво протянула королева. – Боюсь, тебя не переубедить. – Она грозно глянула на колдунью, которая намеревалась вновь вставить язвительное замечание. Та замолчала, нахмурившись. – Хочешь навестить Хродгейра, иди. Думаю, ты помнишь о клятве. Захочешь распустить всех своих людей – я-то вижу, что они уже больше твои, чем прежнего вождя, – распускай. Мне нужна лишь твоя помощь. И, конечно, девочки-пикты. Вы останетесь у меня, когда все ваши друзья уйдут. Устраивает тебя такое решение, Вратко из Хольмгарда?

– Устраивает.

– Хорошо. Тогда должна предупредить. Ни один воин динни ши не пойдет с вами. Я не буду рисковать верными слугами ради твоей прихоти. Уяснил?

– Уяснил.

– Но если тебе понадобится моя помощь, просто позови. Мы в йоркширских холмах, я услышу.

– Спасибо, великая королева.

– У тебя есть вопросы ко мне или Керидвене?

Вратко задумался на мгновение. По делу-то и спросить нечего. Еды на дорожку попросить, что ли? Или оружия получше для Игни, Гуннара и Олафа? Захотят ли еще викинги чужие мечи в руки брать?

Эх, ладно! Была не была!

Парень махнул рукой и задал вопрос, который мучил его давно, с той поры, как он переступил камень на входе в закликательный чертог.

– Этот волшебник... друид Мирддин живой?

Керидвена сухо рассмеялась.

¹⁸ Хирдман – дружинник в средневековой Скандинавии. Происходит от «хирд» – дружина; «ман» – человек.

Маб отвечала серьезно:

– Это смотря как считать. Он не спит, не ест, не дышит, но видит, слышит, мыслит...

Он живой?

– Живой, – сразу выбрал правильный ответ словен. – Раз мыслит, стало быть, живой.

– Мудрец! – буркнула колдунья. – Латиняне таких философами зовут. Вернее звали, когда римляне тут были.

Вратко рассеяно кивнул. Не понять – смеется над ним колдунья или вправду хвалит. Наклонился за копьем.

Неожиданно для парня Злое Жало поползло, словно живое и не далось в руки. Вратко повторил попытку. Копье рванулось, будто наутек.

Обернувшись, новгородец увидел, кто издевается над ним.

Морвран держал в руках Злое Жало и криво усмехался, показывая желтые зубы.

– Отдай! – парень протянул руку.

Военачальник народа Холмов задумался. Или сделал вид, что задумался. Наклонил жало копья в сторону Вратко, но не успел словен сжать пальцы вокруг оковки, отдернул. Зло хихикнул.

– Отдай, я сказал! – словен почувствовал нарастающий гнев.

– Сказал он... – горбун оскалился. – Возьми.

Он слегка подбросил копье вверх и тут же поймал. Взвесил в руках.

– Доброе оружие. На Ассал или Гунгнир, конечно, не тянет, но работа добрая.

– Не тебе его давали...

– Оружие – не застежка на плащ, – возразил Морвран. – Кто сильнее, тот и берет.

Хотя... И застежку тоже возьмет тот, кто сильнее.

– Драться я с тобой не хочу, кеан-киннид, – набычился Вратко.

– Или боишься?

– Морвран! – голос Маб стегнул, подобно бичу.

– Моя королева... – съежился, втянул голову в плечи сын колдуньи.

– Ты тоже решил затеять свару? Не хватает мне тебя еще в довесок к Лохлайну! – Я лишь хотел проверить хольмгардского ворлока.

– Проверил?

– Да, моя королева...

– Отдай копье!

– Оно не для него.

– И не для тебя! Отдай немедленно!

Вратко не оборачивался, глядя в лицо уроды-горбуна, а потому не видел королеву, но в ее голоске звучала подлинная властность. Попробуй, послушайся!

Морвран сник окончательно. Отвел взгляд. Перехватил Злое Жало двумя руками, подал оружие новгородцу на раскрытых ладонях.

– Возьми... ворлок...

Вратко принял копье. Попробовал улыбнуться военачальнику. Зачем зло друг на друга держать? И так врагов хватает, новых находить ни к чему. Улыбка вышла кривоватой. Кеан-киннид не счел нужным отвечать на нее. Боком посунулся в темноту, где стоял и раньше. – Морвран! – остановила его Маб – Слушаю, моя королева.

– Проведешь Вратко из Хольмгарда к его друзьям. Потом покажешь выход из Холмов. – Да, моя королева.

– Они вольны отправиться в верхний мир, как только будут готовы. И в том числе, в каком сочтут нужным.

– Хорошо, моя королева.

– Ты будешь их дожидаться у входа. Сколько воинов взять, решишь сам.

– А если они не вернутся, моя королева? – военачальник пошевелил ноздрями, приподнял верхнюю губу. Он все больше и больше напоминал Вратко дикого зверя. И внешностью, и повадками.

– Мы вернемся! – твердо сказал словен.

– Они вернутся, – подтвердила его слова королева. – Клятва была произнесена. Кости Холмов слышали ее. Великие Боги, следящие за всеми нашими поступками, тоже. Вратко из Хольмгарда – не дурак. Он знает, что нарушивший такую клятву не найдет больше удачи. Поэтому он вернется. Если викинги решат остаться под солнцем, то он вернется один. Не так ли?

– Я вернусь, – парень покрепче перехватил Злое Жало. Повернулся к Маб. – Даже если вернусь один. Нужно ли поклясться в этом еще раз?

– Нет необходимости, – легко отмахнулась королева. – Я верю тебе. Дружбу и союз воинский, а ведь мы собираемся сражаться против общего врага, нельзя начинать со взаимных подозрений.

Вратко стало стыдно. По-настоящему стыдно. До горящих ушей и желания спрятаться и не показываться никому на глаза. Почему он постоянно подозревает королеву и ее приближенных? Из-за дурацких выходок Лохлайна или Морврانا? Ну, так их поступки можно объяснить завистью. Любой из попавших в Полые Холмы викингов сильнее каждого из динни ши в несколько раз, да и кеан-киннид, пожалуй, в подметки не годится Гуннару или Олафу. Вот и злобствуют напропалую. А вымещать недовольство стараются на нем, новгородце, ибо чувствуют, что он единственный, кто с оружием в руках им уступит. Не говоря уже о возрасте. Не рано ли, ворлок из Гардарики, зазнаваться начал? Почувствовал себя равным с вождями, волшебниками, воинами, которые не одну сотню лет оттачивали мастерство? А сам ведешься на подначки, не умеешь на чужую шутку своей остротой ответить. Как говаривал кожемяка из посада: мальчишка с грязным пузом, зелень зеленая.

– Прошу простить меня, великая королева, – Вратко поклонился в пояс. С чувством, с душой, со всем возможным уважением. – Я, пожалуй, пойду. В дорогу пора собираться.

Его не задерживали. В глазах королевы Маб промелькнула искорка довольства. Но и только.

Урманы восприняли рассказ Вратко о видении «из котла» по разному.

Игни пожал плечами – мол, всякое бывает. И едва не заработал подзатыльник, поскольку Гуннар наотрез оказался верить услышанному. Что бы его вождь мирно беседовал со святошей Бернаром? Во имя огней Муспелльсхейма¹⁹, не может такого быть!

Олаф соглашался с ним, но защищал Хродгейра без излишнего запала. И его равнодушие – чего спорить-то? От споров белое черным не станет – выглядело, пожалуй, убедительнее, чем горячность кормщика.

Все еще слабый от ран, полученных в схватке с людьми Модольва-хевдинга, Рагнар Щербатый рассудительно заметил, что хитрость для воина не менее важна, чем отвага и доблесть. А вдруг Черный Скальд решил обмануть, обвести вокруг пальца монаха и Эдгара Эдвардссона? Притвориться овечкой, выжидая удобного случая, чтобы удрать. Раненый викинг напомнил товарищам хитрость, которой пригбег Халстейн, друг и соратник Бьорна Железнобокого. Чтобы проникнуть в город латинян, защищенный крепкими стенами, он притворился тяжелобольным и сказал, что желает перед смертью обратиться в христианскую веру. Монахи, заправлявшие всем в том городе, обрадовались и пустили за стены носилки с вождем, которые несли немногочисленные приближенные воины Халстейна. Оказавшись внутри, викинг чудесным обра-

¹⁹ Муспелльсхейм – страна, населенная огненными великанами.

зом ожил, его хирдманы перебили охрану ворот, впустив всех остальных. Так вот, что мешает Хродгейру повторить шутку двухсотлетней давности?

Вратко украдкой вздохнул. Слова Рангара бы да Богу в уши.

Мария Харальдовна ни единому слову новгородца не поверила. Вернее, она поставила под сомнение образы, показанные котлом Керидвены.

– Сердце мне подсказывает – в беде Хродгейр, – упрямо твердила королевна. – Не может он сидеть, угощаться с врагами за одним столом, разговаривать с ними, прямо как с родичами. Я чувствую – плохо ему. Быть может, ранен и лежит, теряя силы, в овраге каком-нибудь, а, возможно, и в плен попал, а там пытаются его или убивают медленной смертью. Я страдания чувствую...

Ее речи можно было бы приписать душевному расстройству – дроттинг еще не оправилась после смерти отца. Но ведь о ней всегда шли слухи – дочь Харальда Сурового, мол, прорицательница, может будущее прозревать, предчувствует неудачи и несчастья.

Разве не Мария Харальдсдоттир первой заявила о грядущем поражении норвежского войска в походе на Англию? Не многие ей тогда поверили, да и сам конунг в первую голову. Оно конечно, проще объяснить дурные предчувствия девичьими глупостями. А ведь после были другие предзнаменования: у конунгова хирдмана по имени Гюрд, у воина Торда из дружины Эйстейна Тетерева... Даже к самому конунгу Харальду являлся сводный брат его, Олаф Толстый, прозванный Святым, и пожурил младшенького, что нацелился тот на кусок, который ни прожевать, ни проглотить не в силах – не та нынче Англия, что была во времена короля Этельреда²⁰ и датского конунга Свена Вилобородого²¹.

Заговорив о погибшем отце, Мария не сдержала слез. В последние дни она и так была сама не своя – грустила, уставившись в стену, мало разговаривала, почти не ела. Рианна, находившаяся при королевне неотлучно, очень опасалась за ее жизнь. Ее бабка рассказывала о нередких в прежние времена случаях, когда от тоски чахли, словно деревья без дождя, словно птица в клетке, и, в конце концов, умирали. Конечно, новое поколение не отличалось той чувствительностью, как раньше, но ведь и Мария Харальдсдоттир не такая как все.

Уже не оставалось сомнений, что дроттинг любит Хродгейра. Значит, она должна особо остро чувствовать его: дар прорицательницы, помноженный на любовь, многого стоит.

Желая хоть как-то подбодрить девушку, Вратко пообещал:

– Мы разыщем его, Харальдовна. Во что бы то ни стало, разыщем.

Она вздохнула, едва заметно улыбнулась:

– Я верю тебе. И тебе, и нашим друзьям. Вы будете стараться изо всех сил. Но мой дар... Мой проклятый дар... Как много я бы дала, чтобы не видеть будущего – оно предрекает мне лишь беды и несчастья. Мне и всем, кто мне дорог.

– Разве твоя в том вина?

– А кто знает? Мудрые люди говорят, что прорицатель способен изменять будущее по своему желанию.

– Не знаю. Не слышал никогда. По-моему, изменить будущее по силам лишь очень сильному колдуну. Или богу. Люди могут лишь подстроиться под него, смягчить удар судьбы.

– А потом горько раскаиваться, что совершил ошибку? Я должна была отговорить отца от похода в Англию.

– Кто смог бы отговорить Харальда Сурового от однажды задуманного? Кому по плечу такое дело?

²⁰ Имеется в виду Этельред Второй Безрассудный (968 – 1013), правивший в 978 – 1013 и 1014–1016 гг. Пытался откупиться от викингов-завоевателей, выплатив им 10 тысяч фунтов серебра. Эта дань получила название «датские деньги».

²¹ Свен Первый Вилобородый (около 960 – 1014) – король Дании, Норвегии и Англии. Наследовал (как король Дании и Норвегии) своему отцу Харальду Первому Синезубому. Предпринял в 1013 г. масштабное вторжение в Англию.

– Я смогла бы. Отец верил мне. Я должна была настоять на своем. Сколько людей, сколько верных сынов Норвегии остались бы живы?

– Ты не должна винить себя, Мария-бан²²! – решительно вмешалась Рианна.

– Ты сделала все, что могла! – поддержал пикту Вратко. – Вряд ли кто-то из норвежского войска приложил больше усилий, чем ты!

– Не утешайте меня... – покачала головой королева. – Я слишком понадеялась на свое предвидение, думала, что успею найти Чашу и использовать ее для успеха нашего войска, для успеха моего отца... И что получилось в итоге? Что теперь осталось мне? – плечи ее вновь дрогнули.

Словен понял, что Мария сейчас разрыдается. Чем бы отвлечь дочь конунга? – Тебе осталась месть, Мария-бан! – взмахнула кулачком Рианна.

– Кому?

– Мерзкому монаху, который все сделал, чтобы саксы одолели у Стэмфордабрюггера! Королю Гарольду, торжествующему сейчас! Эдгар Эдвардссону, рассчитывающему обрести выгоды от свары двух великих королей.

«Если Гарольд Годвинссон такой великий, как и его норвежский тезка, то зачем ему мстить? – подумал Вратко. – Он же не знал, что отец Бернар читает молитвы в его поддержку? И уж тем более, не просил монаха о помощи. Он защищал свой край, свой народ и свою корону... Эх, все равно сейчас Марии этого не объяснить. Она даже слушать не захочет».

– Харальдовна, – проговорил парень. – Харальдовна, ты дождись нас. Когда Хродгейр вернется, он сможет ответить на все вопросы сам. А я тебе вместо прощания вису скажу. Хочешь?

– Говори, – Мария смахнула слезинку с ресницы, но расплакаться не позволила себе. Вот что значит – дочь конунга!

– Тогда слушай. Эта виса о великом конунге Харальде Сигурдассоне, которого прозвали Суровым, и об английском короле Гарольде Втором Годвинссоне. Вратко откашлялся и прочитал.

– В сече стену саксов
Сек Суровый конунг
Смерть пришла пернатая —
Верно, норны гневались.
Местию отмечена
Смерть на кончечнике
Ясно око выколет
Королю саксонскому.

– Око за око, зуб за зуб... – медленно произнесла королева. – Идите. И возвращайтесь вместе с Хродгейром. Вместе мы придумаем, как отомстить подлому монаху. Не забудем и о короле Англии...

²² Ban – ясная (гэльск.).

Глава 4. Мгла среди холмов

Вопреки приказу королевы Маб военачальник не стал лично сопровождать викингов к выходу их Холмов. Вместо себя прислал Лохлайна с десятком воинов динни ши. Морвран и раньше не слишком-то нравился Вратко, хоть новгородец пытался усмирить клокочущую в душе неприязнь, убеждая себя, что грешно держать сердце на человека и без того обиженного судьбой – урод ведь, каких поискать, да вдобавок горбатый. Само собой, прикидывал парень, на месте кеан-киннида любой возненавидит всех окружающих, не отмеченных печатью уродства. Отсюда и склочный характер, и желание выделиться из толпы за счет более слабого, поскольку сильный не пропустит вперед. Но нарушать слово королевы? Тут одной желчностью натуры не объяснишь. Пожалуй, прибавляется изрядная толика наглости и уверенности в безнаказанности. А впрочем... Керидвена, должно быть не раз и не два выручала «сыночка», оправдывая его поступки и даже проступки перед повелительницей. Они ведь, по всему выходит, подруги – вместе колдуют, вместе вынашивают замыслы, касательно мести врагам малого народца.

Лохлайн тоже держался неприязненно, что впрочем, не удивило никого из северян – Вратко рассказал им о трепке, которую королева задала заносчивому воину. Хотя динни ши не долго ходил в простых дружинниках – суток не прошло, как десятником стал.

Викинги собрались быстро, затратив большую часть времени на подготовку оружия. Хотя и точил Олаф каждый день свой меч, а все равно перед походом погонял оселком по лезвию. Игни проверил – не меньше десяти раз, наверное, – оперение стрел. А Вратко уговорил Гуннара дать ему еще один урок боя на копьях. Кормщик бурчал, что, мол, глупо ворлоку учиться сражаться обычным оружием, но все-таки согласился. Правда, в поход новгородец отправился с мечом Рагнара – щербатый хёрд²³ все равно едва-едва начал вставать, что и не удивительно с такими-то ранами.

Выход из Полых Холмов открылся в заросшую терновником лощину. Именно сюда они прибегали, спасаясь от воинов Модольва и рыцарей Эдгара Эдвардссона.

Динни ши выбрались на поверхность, опасливо поглядывая по сторонам. Дневной свет вызывал у них страх, с которым воины боролись по мере сил, но всегда удачно скрывали.

– Тебя устраивает место, ворлок? – безучастно произнес Лохлайн, отводя глаза. Вратко так и не понял – стыдится подземельщик неблагоприятного поступка у входа в заклинательный чертог или просто ему противно смотреть на людей?

– Устраивает, – кивнул парень.

А что ж ему не устраивать? По своим следам всегда можно вернуться туда, откуда пришел, было бы желание. Да убежать, если дело обернется не так, как задумывалось, будет легче.

– Они точно будут здесь нас ждать? – почесал бороду Гуннар. Народу Холмов он не доверял. Хорошо, что динни ши не понимали его слов, произнесенных на северном языке.

– Обещали... – новгородец пожал плечами. – А если и уйдут... Это может нас остановить?

– Нет! Клянусь той гадюкой, которую подвесили над связанным Локи!

– Меня так вообще ничего не остановит, – Олаф пристроил ножны с мечом за спиной, и все примерялся – удобно ли выхватывать оружие, хватит ли длины руки.

Игни только крикнул. Да его никто и не спрашивал – молодой, право голоса на воинском совете заслужить еще надо. Вратко от всей души надеялся, что он-то заслужил уважение старших и более опытных товарищей. Уж во всяком случае, рот ему никто не затыкает, и подзатыльник отвесить не примеряется.

²³ Хёрд – уроженец Хёрдаланда, исторической области в Норвегии. Хродгейр Черный Скальд и его дружина родом из Хёрдаланда.

– До леса я иду первым, – тоном, не терпящим возражений, сказал кормщик. – Следом Подарок, потом Игни. Замыкает Олаф.

Новгородец рассеяно кивнул. Он во все глаза рассматривал склон ближнего холма и колючие заросли терна, выискивая подтверждение или опровержение слов волшебниц. Ну, никак не мог поверить парень в то, что время течет под холмами и над холмами по-разному. Да и кто смог бы? Тут нужно быть или настолько высокоученым, превзошедшим разные мудрые науки, о которых заезжие в Новгород греческие купцы только вскользь упоминали, или верить услышанному всем сердцем, сильнее, чем христианские в Страшный Суд. А словен, как водится, должен сперва пощупать, а потом уж поверить.

Вот он и щупал. Пока глазами.

Ясневый лес, уходящий вверх по склону, дышал сыростью. Кое-где у основания стволов серел непротаявший снег. Неужели это от его заклинания? «Встань туман студеный, стылый след укутай...» Если да, то и вправду, прошло сутки-двое, не больше – под небом, затянутым низкими тяжелыми тучами, снег может пролежать столько даже в вересне²⁴. А если нет? Вдруг, в Нортумбрии такая погода – самая обыкновенная для середины осени? Сырая листва под ногой, холодные капли с листьев, мутный белесый туман, стелющийся между деревьев...

«Что ж, – рассудил Вратко. – Пускай мокреть, пускай холод, зато следы лучше видно. Ведь, хочешь, не хочешь, а придется становиться следопытом – на викингов надежды никакой. Гуннар, поди, может различить до десятка цветов неба над окомом, предсказывая бурю или безветрие, по оттенку воды скажет глубину моря, а по запаху ветерка – далеко ли до берега, но в лесу его хватает только на то, чтобы ходить не ломая хворост под ногами. А Олаф, и того хуже, то и дело цепляется курткой за ветки терновника, а после шипит себе под нос неразборчивые ругательства».

Они шагали «гуськом». Кормщик нес Злое Жало наперевес, будто бы каждый миг ожидая нападения. Густая трава мягко подавалась под сапогами. Эх, летом бы здесь поваляться, рухнуть лицом вниз и дышать, дышать, дышать... Но сейчас при одной мысли о том, чтобы упасть в траву, парень поежился – голенища очень быстро промокли. То ли дождь недавно прошел, то ли туман садится. Скорее, все-таки, туман. Да какой! Плотный, поземный, густой, как молоко. Он напознал на холмы, как прилив на прибрежные скалы, медленно и неотвратимо. Длинные языки его выползали из того самого леса, что отделял Полые Холмы от Дервента и оседлавшего реку Стэмфордабрюггера, леса, в глубине которого прячется убогая хижина, приспособленная заговорщиками для своих встреч. Если уж искать Хродгейра, то начинать нужно отсюда.

– Смотри, Подарок! – Гуннар ткнул концом копья под ноги.

Словен подошел, наклонился. Пригляделся. Да. Точно. Земля взрыта, повсюду разбросаны комья, трава вырвана с корнем. Вратко наклонился приподнял ошметок дерна, попробовал пристроить его на место.

– Зачем это ты? – удивленно проговорил Игни.

– А! Сам не знаю... – отмахнулся новгородец.

Ямка выглядела округлой, будто срезанной. Точно! Вот оно – отпечаток подковы. Рядом еще один. Выходит, именно здесь Хродгейр сцепился с рыцарями Эдгара Эдвардссона.

– Отойдите все! – решительно скомандовал словен, опускаясь на четвереньки...

Викинги повиновались. Они отлично знали свои слабые стороны и не пытались даже ничего советовать уроженцу далекой Гардарики.

Света не хватало: солнечные лучи с трудом пробивались сквозь заслон дождевых туч, теряя при этом почти всю силу, а тут еще и туман наполнял воздух влажной дымкой. Но Вратко ясно различал отпечатки копыт... Ого! А вот и ступня. Пятка впечаталась глубоко. Возможно, человек стремительно разворачивался. Зачем? Ответ очевиден. Для удара мечом.

²⁴ Вересень – сентябрь.

Словен пополз, как огромный, нескладный жук. Крови не видно. Ну, так это неудивительно: чародейский снег, потом дождь. Хотя... Дождя, могло и не быть.

Еще след!

А вот и буроватый стебелек. Кровь?

Парень потер травинку пальцем. Нет, просто пожухла к осени.

Туман сгушался. Приходилось едва ли не упираться носом в землю. Как собака или как мышкующий лисовин. Вратко усмехнулся, представив себя с хвостом и настороженными ушами.

Глупости какие в голову лезут! А надо делом заниматься.

Он снова пополз, забирая по кругу около найденных отпечатков сапог. Ничего... Никаких иных отметин – только выковырянный дерн и смятая трава. Ни звена от кольчуги, ни осколка от клинка, ни щепки от щита.

Может, это и хорошо?

Хродгейра взяли в плен. Оглушили или договорились полюбовно, это уже не важно...

Нужно сказать викингам.

– Гуннар! – негромко позвал Вратко.

Тишина. Никакого ответа.

– Гуннар!! – пришлось крикнуть погромче.

Вроде бы кто-то откликнулся. Но звук казался слабым, будто бы он пробивался сквозь мешковину.

Ну да, ну да... Это туман. Он всегда глушит, скрадывает любой шум.

Не зря, когда идешь в сырой мгле, душу охватывает страх. Будто бы любой враг может незаметно подкрасться и наброситься на тебя. Зверь какой-нибудь: волк там или медведь. Леший или кикимора болотная, чудо-юдо на мягких лапах... Кое-кто, пытаясь взбодриться, начинает громко петь, разговаривать сам с собой в полный голос, но от этого легче не делается. Голос не успевает пролететь и пары шагов, как вязнет, теряется, как будто глушит тебя кто-то. Или что-то.

Вратко поежился. Не хотелось бы заблудиться, и потерять своих.

Парень быстро пошел в направлении, откуда слышался ответ Гуннара.

Да где же эти викинги? Сколько можно идти!

– Гуннар! Олаф! Игни! – словен прислушался и вновь позвал. – Игни! Гуннар! Олаф!

Ничего.

Мертвая тишина. Липкая, обволакивающая.

– Олаф!!! – заорал Вратко изо всех сил.

– ...о-о... – донеслось справа.

Словен побежал на звук, тщетно стараясь придушить зарождающийся ужас. Никого!

– Гуннар!!!

– ...ра-а-а...

Теперь уже слева.

Да что же это такое!

Неужели заблудился?

И что теперь делать?

Новгородец заметался.

В глубине души он понимал, что совершает большую ошибку. Нужно бы передвигаться неторопливо, находя приметные знаки – камни, кусты, промоины в земле. Кричать громко и протяжно. Можно не звать никого по имени, а просто тянуть один и тот же звук. Так викинги гудят в рог, когда их дреки попадает в туман.

Но он испугался, и ничего не мог с собой поделать.

Бросался вправо, влево, вперед, назад.

Падал, вскакивал и вновь бежал.

Меч Рагнара бился о лодыжку, норовил попасть между ног – не из-за него ли Вратко свалился во второй раз?

Скоро он окончательно потерял направление, и даже под пытками не сказал бы, где север, где юг, в какой стороне лес, а в какой – холмы.

Это же надо! Корчил из себя следопыта, хвастался – хоть и не вслух еще, наглости не хватило – перед товарищами, что запросто по лесу ходит... И что? Потерялся, как оголец голоштаный!

В отчаянии Вратко упал на колени и завыл, разбивая кулаки о невесть откуда взявшийся шершавый валун.

– Дурень! Дурень! Куда ты теперь?

На глаза навернулись слезы бессилия.

Острые камешки впивались в кожу, порты промокли насквозь и пропитались водой. Капли влаги оседали на волосах.

Наконец парень застыл, вцепившись пальцами в метелочки травы. Жесткий, колючие кисточки странным образом успокаивали.

«Может, это одна из волшебных трав, которые Керидвена в котел сыпала? – проскользнула глупая мысль. – Ну, тебе-то они не помогут. И никто не поможет.

Рассчитывать не на кого. Сам себя не спасешь – никто не спасет».

За плотной пеленой тумана слышался шорох.

Вратко прислушался.

Показалось?

Нет. Опять...

Вроде как чавканье какое... Будто сырая земля прогибается под тяжелой стопой.

– Ола... – начал парень и осекся.

А если не Олаф? Мало ли кто может блуждать в тумане. Какая надежда, что этот «кто-то» окажется дружелюбным?

А вдруг это вообще не человек?

Зверь лесной. Память услужливо подсказала – в здешних краях здоровенный медведь кормится. Крупный самец. С одной стороны, не так и плохо – других медведей он не потерпит в «своем» лесу, но с другой – встречать с ним еще раз ой как не хочется.

Может олень? Или лось?

Нет, с чего бы они здесь бродили? Копытный зверь опасается хищников, от тумана уйдет на верхушку холма.

А если нелюдь?

Вон викинги надо и не надо троллей поминают...

Насколько Вратко успел разобраться, тролли – уродливые твари, выше самого могучего человека, и в плечах шире. Тупые и злобные. Так и норовят поймать одинокого путника и сожрать живьем. Правда, умелый воин, вооруженный доброй сталью, защищенный берегами – лучше всего маленьким Мйольниром, отлитым из золота или серебра, – может их не бояться, но он-то, купеческий сын из Новгорода ни берегом не запасся, ни мечом владеть толком не выучился.

И все равно, к любой неожиданности лучше подготовиться заранее.

Вратко вытащил меч из ножен. Обвитая кожаным ремешком рукоять прильнула к ладони, как родная. Словен выставил клинок перед собой, медленно обернулся, изо всех вслушиваясь в туман.

Показалось?

Если так, то хорошо. Парень не чувствовал в себе великих способностей сражаться с нелюдями, да и просто с диким зверем.

Тишина.

Дыхание Вратко понемногу выровнялось, сердце перестало колотиться о ребра.

«Надо что-то делать. Не век же стоять на одном месте? Под лежащий камень вода не течет».

Лучше всего, конечно, забраться на холм. Насколько словен помнил, туман стелился по земле – выше головы пешего человека, но не на много. Всадник, пожалуй, уже выглядеть может, особенно, если в стремених приподнимется. Значит, заполняя низины – овраги, долины, яры, лощины – мгла не сможет подняться до вершины холма. Вот там следует переждать. Набрать хвороста да развести костер. Кремень с огнивом лежат в кожаном мешочке на поясе, в сумке, переброшенной через плечо, половина копченого кролика и плоская лепешка – динни ши не пекут хлеб в печах, а жарят на раскаленных камнях, во фляге-долбленке плещется вода из подземного источника – холодная и вкусная.

Знать бы только, в какую сторону идти нужно...

Вратко потоптался на месте, повздыхал, пораскинул умом. А потом зашагал прямо, полжившись на удачу. Не зря Хродгейр говорил когда-то:

– Ньёрда Дар отчаянный
Дружит, знать, с удачею:
Рыбья зыбь отторгла
Вздыбленными волнами,
Лестно пощадило
Блеска лезвий игрище...
Верно други верили —
Зверь не тронет храброго.

До сих пор ему везло. Должно повезти и сейчас.

Выйдет к холму, попробует вскарабкаться по склону – только бы не слишком крутой был бы уклон. А выйдет к лесу... Где наша не пропадала! В лесу тоже жить можно.

«Залезу на дерево, осмотрюсь. Глядишь, и до утра пересижу... Или ветер поднимется, разгонит туман. А может, мне поколдовать стоит? Вису сказать. Ведь удавалось до сих пор».

Задумавшись, парень споткнулся и едва не упал. Пришлось опереться на меч, словно на клюку. Лезвие ушло в землю, с хрустом перерезая корешки, скрежеща по мелким камешкам. Казалось, благородная сталь даже застонала от боли. Вратко вскочил, выдернул клинок, вытер его рукавом, извинившись, что по оплошности допустил надругательство над добрым оружием.

За стеной тумана что-то «гукнуло» и замолчало, будто задохнувшись.

Кто там бродит?

Может, викинги его ищут? Тогда хорошо бы окликнуть.

А если враги или неведомые чудища?

Парень задержал дыхание, прислушиваясь.

Вроде бы, никого поблизости нет. Но туман обманчив...

Продолжая внимательно прислушиваться к каждому шороху, новгородец шел дальше.

Шагал и шагал.

Вначале пытался считать шаги, но понял, что отвлекается, а нужно быть настороже.

Бросил.

Остановился передохнуть. Огляделся. Похоже, земля по правую руку заметно повышалась. Неужели склон холма? Получается, вместо того, чтобы идти вперед, Вратко возвращался?

И что теперь делать? Искать вход в жилища динни ши? Дать повод Лохлайну обвинять словена в трусости: мол, больше всех кричал, а сам испугался врагов и назад вернулся, бросив товарищей?

Поджарый волк вынырнул из тумана неожиданно и бесшумно, подобно призраку.

Вратко вскрикнул и несколько раз взмахнул мечом, крестя воздух направо и налево.

И только потом сообразил, что зверь не нападает. Хищник присел на задние лапы и внимательно смотрел на человека медово-желтыми глазами. Его морду украшала изрядная проседь, словно у почтенного отца многочисленного семейства.

Новгородец узнал зверя.

Этот загадочный волк спас его от медведя несколько дней назад. Ошибки быть не могло – светло-серая с проседью шкура, проплешина шрама над левым глазом, заостренные уши, рыжеватые пятна подпала на морде. Когда всю ночь простоял со зверем «лицом к лицу», попробуй забудь его... И главное, глаза. Умные, напоминающие человеческие. Цвет их вызывал воспоминания об отборном липовом меде, самом лучшем, из тех колод, что доставляли бортники из-под Полоцка.

– Поди прочь! – воскликнул Вратко, замахиваясь мечом. Все-таки лучше прогнать волчару, несмотря на видимое его добродушие.

Бирюк даже не дрогнул. Только моргнул и наклонил голову.

– Уходи!

С таким же успехом можно было бы разговаривать с корягой. Или валуном.

Парень решил зайти с другой, так сказать, стороны.

– Ты кто? – спросил он зверя, слегка наклоняясь вперед. Меч, понятное дело, словен убирать не спешил.

Волк молчал. Только слегка приоткрыл пасть, показывая верхковые клыки. На их желтоватой поверхности поблескивала слюна, одна капелька которой повисла на губе.

– Как тебя кличут? Что ты от меня хочешь?

Тишина. И внимательный взгляд желтых глаз.

– Молчишь, волчара?.. Ну, чего ты хочешь от меня? Зачем пришел?

Зверь одним движением поднялся на ноги. Вот только что сидел, а тут уже стоит.

Вратко даже не успел испугаться и отшатнуться.

– Ты что это? – опасливо протянул словен.

Волк повернулся боком и... Парню захотелось протереть глаза, ибо грозный хищник махнул хвостом. Раз. Потом второй. Шагнул в сторону. Повернул лобастую голову к человеку, снова вильнул хвостом. Вратко невольно улыбнулся: матерый зверюга, а ведет себя, как дворовая собака.

– Мне за тобой, что ли, идти?

Новый взмах мохнатого хвоста.

– Ну, води, ежели так...

Серый развернулся и скрылся в тумане.

«И как же я за тобой идти должен? Нюхом след брать?»

Парень нерешительно потоптался на месте, но все-таки решил направиться в указанном волком направлении. После всего, что он повидал и узнал, бояться предательства со стороны обычного зверя казалось смешным. Меч он по-прежнему держал наготове. Мало ли кто или что повстречается на пути?

Волк дал себя увидеть через несколько шагов. Вынырнул из белесой мглы, «улыбнулся», блеснув клыками, вновь поманил за собой.

Словен шагал, недоумевая. Слишком много вопросов, слишком мало ответов.

Что это за зверь? Откуда взялся? Почему благоволит к нему, купеческому сыну из Новгорода? Неужели в Англии мало своих парней, которые нуждаются в помощи?

Черный провал пещеры открылся неожиданно. Полная завеса тумана позволила его разглядеть с расстояния двух шагов, не больше. Дыра зияла в пологом откосе, как глазница в черепе, отбеленном временем и непогодами.

Вратко присвистнул. Покосился на волка.

Серый сидел рядом с провалом, чуть выше его по склону, «улыбаясь» до ушей и вывалив из пасти розовый длинный язык. Уши, стоящие торчком и шевелящийся в траве кончик хвоста будто говорили: как, нравится, заработал я горбушку и кусок мяса?

– Ну, спасибо, дорогой, удружил... – новгородец изобразил шутливый поклон. – Ты меня в Полые Холмы вернуть надумал?

Волк молчал. Да и что он мог сказать? Тварь бессловесная... Хотя и умная, бесспорно.

Парень внимательно, насколько позволяла туманная пелена, оглядел окрестности. Оврага нет и в помине. Терновника тоже. Значит, Лохлайн с верными дружинниками не ждет его там, в темноте.

А кто ждет?

Из пещеры тянуло холодом и сыростью.

А это что такое?

Дерн у входа истоптан и взрыт. Не так, как на поле боя... Скорее всего, здесь прошли люди. До десятка, точнее сказать трудно. Просто прошли, не торопясь. Значит, не убегали, но и сами не преследовали никого. Если подумать, то можно даже сделать вывод, что шли они осторожно. Налегали больше на носки, чем на пятки. Видно, опасались подвоха. Что ж... Он и сам боится неизвестности. Английская земля таит в себе столько опасностей, что русич и помыслить не мог раньше.

Волк зевнул, привлекая внимание.

– Чего тебе?

Зверь поскреб лапами край дыры.

– Мне туда?

Взмах хвоста.

Ну, это вообще ни в какие ворота не лезет! Привел, приглашает зайти...

Вряд ли это волчье логово – слишком широкий лаз, слишком доступный для любого врага: и человека, и медведя, и рыси.

Парень прислушался. В пещере царила тишина.

– В темноту не полезу... – сварливо сказал он волку.

Хищник улегся, примостив голову на передних лапах. Он не возражал. Свою работу сделал, а там будь что будет.

Вратко сломал несколько веток с темнеющего сквозь туман куста. Лещина, скорее всего. Хотя орехов не видно. Скрутил далекое подобие веника, хотя пытался на самом деле сотворить факел. После нескольких безуспешных попыток разжечь сырую древесину от тлеющего в труте огонька, словен вспомнил рассказы стрья Незвана, что надо делать, если тебя дождь в лесу застиг, и надо согреться во что бы то ни стало.

Ножом, который дал ему Хродгейр перед последней схваткой с людьми Модольвахевдинга, парень сострогал отсыревший слой древесины с ветки, сломанной уже давно и успевшей засохнуть. Зверь какой-то или человек ее обломал, никто бы уже сейчас не сказал, а вот гляди ж ты, пригодилась... Несколько тонких стружек из сухой сердцевины Вратко собрал в горсть, немного примял и, пристроил сверху на трут, высек искру... Осторожно раздул слабенькое пламя. Щепки загорелись невысоким, но ровным пламенем.

Несколько мгновений он колебался – а не остаться ли здесь? Добавить в костер хвороста, сесть, погреться, отдохнуть. Но потом решительно отогнал трусливые мысли и поднес связку веток к огню.

Факел долго не хотел разгораться. Шипел, брызгался, пускал пар.

Наконец пламя, сперва лизавшее кору осторожно и как бы нехотя, закрепилось, уверенно побежало по веткам. Как поселенцы на новом берегу. Первое поколение живет еще с оглядкой на покинутую родину и всегда готово подхватить нажитое добро и отправиться восвояси, а уж

второе устраивается навсегда – пашня, борти, колодцы и мостки над ручьями, чтоб переходить и ног не замочить.

Бросив прощальный взгляд на волка, Вратко выставил перед собой меч в правой руке, а факел в левой, и шагнул в пещеру.

Глава 5. Спящие богатыри

Низкий свод дохнул холодом и сыростью. Рыжие отблески горящего факела заметались по стенам.

Вратко сделал три шага. Оглянулся. Тучи и туман глушили солнечные лучи, да и дело уже шло к сумеркам, но все равно мир снаружи выглядел уютным и притягивал взор.

«А волк-то мой хитрый, как лиса. Зря про них сказки сказывают – ловись рыбка, большая и маленькая... – зло подумал парень. – Меня сюда завел, а сам не захотел лезть в нору. Не боярская, мол, забота».

Трусливая мыслишка, призывающая пойти на попятный, вновь всколыхнулась в душе, но Вратко усилием воли отогнал ее.

«Нет уж... И не проси. Как там в пословице? Взялся за гуж, не говори, что не дюж».

А вдруг в пещере ловушка? И волк вовсе не спаситель и друг, а предатель, заманивший его обманом в западню? Кто знает, что кроется вон там, за поворотом подземного хода, похожего больше на кишку огромного зверя?

Новгородец судорожно слотнул, покрепче перехватил черен меча.

«Назвался груздем, полезай в кузов, – попытался он подбодрить себя, вспоминая подходящие к случаю поговорки. – В конце-то концов... ворлок я или не ворлок?» Парень откашлялся и выговорил вслух, чеканя слова.

– Железное лезвие,
Срезень отточенный,
Колья кольчуги,
Шеломов крушители,
Влаги Вальхаллы
Скальда вкусившего
Крови не трогайте
Острыми зубьями.²⁵

Ничего не произошло. Только мигнуло пламя факела, погаснув и разгоревшись с новой силой.

«Может, получится заговор на оружие неизвестных врагов?»

Он пошел дальше. Неторопливо, осторожно. Заглядывая за каждый поворот, прежде чем сунуть голову.

Нора закончилась округлой пещерой. Похоже, обычная промоина. Вода – дождевая и талая – вначале сочилась по трещине, раскалывающей холм, все больше и больше расширяя ее. Потом рванулась тонким ручейком, затем потоком, который не уступал реке, да и вымыла тот камень, что послабее. Случилось это много лет или даже сотен лет назад, но даже сейчас можно сказать с уверенностью: когда наверху идет дождь, здесь с «потолка» тоже каплет.

В отличие от пещер, приспособленных народом Холмов для жилья, здесь не свисали известковые сосульки. Зато там и сям были разбросаны гладко окатанные валуны. По несколько пудов каждый. Их размер и вес вполне давали понять, какой немереной силищи поток создал эту промоину в камне.

Дальний край пещеры терялся в темноте, в круге света, падающего от факела, вповалку лежали люди. Викинги. Это Вратко понял сразу, еще не успев разглядеть лица, изманные потом, смешанным с пылью и кровью, лохматые бороды, небрежно брошенное оружие и изруб-

²⁵ Виса написана размером квиндухатт.

ленные щиты. Скорее всего, он почувствовал запах, памятный еще по плаванию на «Слейп-нире» – прогорклого масла, селедки, немытых тел, нестиранной одежды. Словен осознал, что и сам пахнет не лучше: все-таки военный поход, и без грязи не обойдешься, но долго приучал себя не морщить нос, когда вплотную подходят Асмунд или Олаф.

Воины спали мертвецким сном. Развалились, что называется, кто где упал. Рыжебородый кудрявый крепыш взгромоздил сапоги на живот плешивому викингу с редкой седой бородой. Молодой парнишка в разодранной рубаше уперся локтем в щеку худощавому воину, прижимавшему к груди меч в вычурно украшенных бронзовыми бляхами ножнах.

Но вот что удивительно! Вратко не услышал ни звука от десятка – это на глазок – спящих мужиков. Ни храпа, ни посвистывания носом... Люди, выдержавшие сражение, не могут спать сном младенца. Молча и неподвижно.

– Эй! – парень окликнул викингов вначале негромко, а потом откашлялся и крикнул в полный голос. – Э-гэй! Деревья доски моря! Не спите – сами себя проспите!

Воины не пошевелились. Никто даже не дернулся.

– Неживые, что ли... – пробормотал новгородец под нос. Потрогал руку ближайшего урмана кончиком клинка.

Рука свободно подалась. Нет. Не окоченели. Значит, не труп.

Тогда парень преодолел страх и, наклонившись, взял викинга за запястье. Кожа северянина был теплой, но он по-прежнему не обращал внимания на бесцеремонного пришельца.

Что-то тут нечисто. Как бы человек не устал, но когда в него тычут холодной сталью, а потом треплют за руку, опытный воин проснется. Это въедается в плоть и кровь. Опасность? На ноги и за оружие!

Страх Вратко не исчез окончательно, но изменился. Если раньше словен боялся нападения вооруженного врага, то сейчас опаску вызвала неизвестность. Непонятное часто страшит.

Парень осторожно, держа меч и факел наготове (ведь что лучше защищает от нечисти и злых чар, чем Огонь, брат Перуна, и добрая сталь?) пошел вокруг сгрудившихся в кучу-малу тел. Не забывая поглядывать в темноту, пересчитал спящих по головам.

Одиннадцать.

Десять викингов и еще один. Отважные и сильные воины. Они выстояли в бою с саксами, сумели уйти, отступить, не потерявшись. Сохранили оружие и даже несколько щитов – остальные, видно, разбиты в щепки. Что же могло свалить их с ног, погрузить в глубокий, так сильно походивший смертельное забытие, сон?

Ответ напрашивался сам собой. Колдовство. Чье-то могущественное, изощренное чародейство.

Но чье?

– Стой! – уже не стесняясь ничего выкрикнул словен. Хлопнул бы себя по лбу, да руки заняты.

Из кучи тел торчала до боли знакомая голова. Лохматые, непокорные волосы. Бурая с проседью борода, напоминающая круглую лопату. Лицо, правда, полностью скрывала корка грязи и запекшейся крови и лоб охватывала замусоленная, измаранная тряпка.

Это же Лосси-датчанин! Лосси по прозвищу Точильный Камень!

Вон, и рукоять его любимого топора его торчит.

– Эй, Лосси! Лосси, просыпайся! – Вратко решительно преступил через двух дружинников-датчан и схватил вольного хевдинга за плечи. Тряхнул как следует. И еще раз.

– Вставай, лохматая башка! Не смей спать!

Голова викинга болталась из стороны в сторону. Да так, что казалось – вот-вот и оторвется. Но он не открыл глаз, даже когда Вратко – неудобно ведь трясти человека и удерживать в руках меч с факелом – слегка припалил ему волосы. Не со зла, а по неосторожности – факел в руке дрогнул.

– Ты слышишь меня, Лосси?! Это – я, ворлок из Гардарики! Ворлок из дружины Хродгейра! Подарок Ньёрда!

Точильный Камень молчал. Только со свистом выдохнул через сложенные трубочкой губы.

Вот незадача!

Отшвырнув коренастого, похожего на гриб-боровик хевдинга обратно, на кучу соратников, Вратко со злости несколько раз пнул сапогом тех викингов, до которых сумел дотянуться, не сходя с места. Если бы они чувствовали боль, то очнулись бы непременно. Вот тогда бы они и надрали уши назойливому словену. И это еще в лучшем случае – датчане, а в особенности люди, идущие за вольными хевдингами, за вождями, которые отказываются повиноваться своему конунгу, обычно бывают скорыми на расправу и не спускают обид.

– Вставайте, люди! Вставайте, даны! – надрывался Вратко. – Что ж вы спите?! Одним вас заклинаю!

Замахиваясь ногой, чтобы из всех сил ударить мирно улыбающегося неведомым сновидениям викинга, новгородец покачнулся, потерял равновесие и шлепнулся, больно ударившись сидалищем об острый камень. Выпавший из ладони факел зашипел в лужице, набежавшей в ямку со стены.

Вратко испуганно подхватил связку веток. Не приведи Господь, погаснет. Тогда он останется в крошечной темноте один с десятком больше похожих на трупы, чем на живых людей датчан.

Огонь, шипя и рассыпая искры, нехотя разгорелся до прежней силы.

Как бы поступил на моем месте отец? А Хродгейр? А старый Сигурд? Асмунд, Олаф, Гуннар? Бросили бы датчан? Или попытались бы разбудить их во что бы то ни стало?

Трудно ответить...

Норвежцы могли бы и оставить Лосси-датчанина в беде. Северные воины суровы и не всегда их поступки может понять и объяснить мирный человек, а Вратко продолжал считать себя далеким от войн и сражений, хотя и путешествовал с викингами больше двух месяцев, участвовал в сражениях, видел смерть врагов и гибель товарищей, убивал сам. А вот Позняк, новгородский купец, остался бы, чтоб помочь?

Парень вспомнил, как отец хихикал в усы, когда слышал сказочку о добром купце из Самары. Эту сказку очень любил их уличанский священник, отец Андрей, старый, сухонький и седой, и называл ее мудрено – притчей. Позняк как-то заметил, что если самаритянин был купцом, то ему прежде всего надлежало думать о товаре – ведь разбойники, избившие и ограбившие прохожего, далеко не ушли. А потеряет купец товар, значит пойдет по миру, семья его голодать будет, дети побираться. Умный торговец, по словам новгородца, должен был быстро доехать до ближайшей заставы и сообщить стражникам о непотребстве, чинимом на дорогах, а он раны взялся перевязывать, масло и вино возливал...

Отец Андрей возражал, ссылаясь на древнюю мудрость: поступай с людьми так, как хочешь, чтобы они с тобой поступали. А отец говорил, что к купцам это высказывание не относится. Их брат, если не будет пытаться выгадать, обмануть, как говорится, «нажухать» чужеземного гостя, быстро пойдет по миру. Священник качал головой, закатывал глаза и напоминал о поступках Иисуса Христа. Позняк отвечал, что Сын Божий не был торговцем, а очень даже наоборот – купцов не любил и, если верить священному Писанию, изгонял их из храма в Иерусалиме.

Сторонний слушатель, попади такой на беседу новгородского гостя с батюшкой, мог бы упрекнуть Позняка в корыстолюбии и жестокосердии, но и отец Андрей, и родичи купца знали, сколько он раздает милостыни у входа в церковь, как помогает недужным соседями, как частенько упускает выгоду, небрежно обронив: «Зато я доброго имени новгородского не посрамил!»

Пожалуй, Позняк не бросил бы викингов умирать от холода и голода – ведь неизвестно, кто этот сон наслал, и сколько времени еще датчане пролежат в забытии. На голых камнях в сырости. Без еды и питья.

Не бросит и он, Вратко Познякович.

Вот только обдумать нужно, что да как. Нахрапом одолеть задачу не удалось. Значит, надо сесть и подумать. В свое колдовство парень верил мало, но есть же обычные способы? Например, пятку прижечь огнем... Правда, это опасно. И не столько для пятки, сколько для здоровья прижигающего. Спасенный викинг, прежде, чем разберется, что ему на такой манер жизнь спасали, может и шею скрутить исцелителю.

Хотя, с другой стороны, припалить бороду Лосси – не такой уж и плохой замысел. Немало крови он попил из Вратко, обзывая его ворлоком, обвиняя в черном колдовстве, требуя суда у Харальда Сурового. Может быть, именно он и напорошил? Если человеку долгое время повторять одно и то же, то он, в конце концов, и сам поверит. Так и Вратко теперь прибегает к заклинаниям не по просьбе или приказу сторонних людей, а и по собственному желанию.

Новгородец усмехнулся вовсе даже невеселым мыслям и направился к выходу из подземелья. Думать-то надо, а мерзнуть в темноте зачем? Датчанам хорошо – дрыхнут себе и ничего не чувствуют, а тут уж и пальцы озябли, хоть и вересень на дворе.

Туман, вопреки тайным надеждам словена, не развеялся, а стал еще гуще.

Будто в молочную реку нырнул, а не на свет Божий выбрался.

Не видать ничего, что называется, дальше собственного носа.

Парень, подивившись чуду природы, вытянул как можно дальше руку с факелом. Огонь пробивался сквозь мглу тусклым красноватым пятном. Как закатное солнце сквозь тучи.

Эх, солнышка сейчас так не хватает... Без него, подателя жизни, и мысли не спешат, друг за дружку цепляются, так и норовят вовсе запутаться, окончательно.

– Твоя беда, Вратко из Хольмгарда, – послышался позади негромкий голос, – в том, что ты не веришь в себя, в свои силы.

От неожиданности парень подпрыгнул на месте. Уронил факел. Развернулся, закрываясь мечом.

Чуть выше входа в нору из склона торчал плоский камень, изъеденный дождями и ветром, покрытый зеленоватыми пятнами лишайника, похожего на плесень. На нем примостился невысокий человек в меховой безрукавке. Сухой и сутулый. Морщинистое лицо докрасна загорело, и седая борода выделялась, как будто он хлебнул сметаны прямо из горшка. Непокрытая голова поблескивала – на круглой плечи собрались капельки воды.

Парень перевел дыхание. Опустил меч.

– Поздорову тебе, почтенный Вульффер, – он поклонился в пояс, как и положено приветствовать старшего годами, да еще спасшего тебе когда-то жизнь.

– И тебе не хворать, Вратко из дружины Хродгейра Черного Скальда.

– Да я как-то... – словен пожал плечами. Глянул на потухший факел.

– Не переживай. Факел – что? Факел новый сделать можно.

– Э-э, не скажи, почтенный Вульффер. Я с ним столько потрудился.

– То-то и оно, что ты предпочитаешь чиркать кресалом вместо того, чтобы приложить самую малость умений, дарованных тебе богами.

– Какими богами? Каких умений? Как ты меня нашел, почтенный? – не был бы Вратко так ошеломлен внезапным появлением старика, он посчитал бы неприличным задавать подобное количество вопросов, но сейчас...

Сакс усмехнулся.

– Я вижу, ты хочешь продолжить нашу игру? Я тоже не против. Ты начал первым вопросы задавать. Значит, отвечать мне.

– Прошу прощения, если проявил невежливость, – взял себя в руки словен. Чегочего, а разговаривать со старшими его выучили хорошо. До сих пор никто не жаловался.

– Да что ты! Я же не обидчивый. Ты же знаешь. Мне отвечать?

– Ну... Отвечай, если хочешь.

– Тогда слушай. Какими богами, не знаю. Так что вопрос не засчитывается. Будем по чести играть. Ты ж, вроде бы, крещенный? Но и Перуна нет-нет да помянешь. А в последнее время Одина с Тором. Как родные тебе стали, да?

– Ну... Не знаю, – Вратко пожал плечами. – Вспоминаю, конечно...

– А не думаешь ты, что боги везде одни и те же, только люди их по разному называют?

– Это как?

– Ну, ты возьми урманского Тора и Перуна вашего. Молнии мечут? Врагов рода людского убивают? Со Змеем сражаются?

– Так Перун на коне, а Тор на колеснице... И Змеи разные совсем...

– Ну да! Тор за Йормундгандом²⁶ все гоняется. А Перун Волоса²⁷ огреть секирой норовит, так? А диавола, что Иисуса в пустыне искушал, зря, что ли, в храмах рисуют в змеином облике?

– Так диавол хитрый, словно змея и во рту язык раздвоенный имеет...

– Правильно. Один для лжи, один для правды. Так?

– Выходит...

– Вот ты уже и согласился со мной.

– Еще не...

– погоди! Не перебивай старших! У Луга и у Одина зря, что ли, копы в руках? А повесился Отец Богов на Игтдрассиле²⁸? Зачем, я тебя спрашиваю?

– Чтобы мудрость обрести.

– Верно! – обрадовался Вульффер. – А зачем тогда Иисус дал себя распять?

– Почему дал? Его римляне распяли. И эти, как их... Фарисеи.

– Так он знал, что за ним идут? Помнишь, что ученикам своим говорил? Возлив мирое на Тело Мое, она приготовила Меня к погребению²⁹, – показал старик отличное знание Священного Писания. – Мог ведь избежать? А он остался. Остался, чтобы через страдания и смерть обрести божественную сущность и мудрость. Разве не так?

– Наверное так.

– Вот видишь... Потому мне и кажется, что Бог – он единственный. А это разные народы его по-разному кличут. Да придумывают разные истории про его похождение.

Вратко кивнул. Он по молодости лет о таких вещах и не задумывался. Но излагал Вульффер складно. Может, и в самом деле, прав? Ведь если люди норовят название города или державы переименовать по-своему, так, чтобы понятнее было, то уж имена Бога и подавно должны. К чему тогда эти споры: чьи боги старше, лучше, сильнее? Зачем люди пытаются насадить собственную веру другим народностям, объявляют их язычниками, идолопоклонниками? Огнем и мечом принуждают непокорных отречься от веры пращуров.

– Что задумался, парень? – усмехнулся, сверкнув ровными зубами Вульффер. – Заморочил я тебе голову? Можешь не отвечать. Знаю, что заморочил. Да ты не обижайся на старого отшельника. Один живу. Разве что с Шалуном могу поболтать. Вот всякие глупости и лезут в голову. А увижу нового человека, и остановиться не могу. Так мне продолжать? Ты что-то об умениях своих спрашивал?

– А разве не твой черед вопрос задавать? – вспомнил условия игры Вратко.

²⁶ Мировой Змей – Йормундганд, хтоническое чудовище древнескандинавских мифов.

²⁷ Волос – змей в восточнославянской мифологии. Позднее – божество плодородия, урожая и богатства.

²⁸ Игтдрасиль («конь Игта», т. е. «конь Одина») – согласно скандинавским мифологическим представлениям, основа вселенной, мировое древо – ясень, ветви которого простираются над всеми мирами.

²⁹ Евангелие от Матфея, гл. 26:12

– Верно. Мой. Только ты сейчас в своих вопросах и моих ответах больше нуждаешься, чем я.

Парень не нашел возражений. Да и что он мог рассказать этому въедливому старику, глядящему, кажется, насквозь?

– Хорошо. Продолжай.

– Вот и здорово! – обрадовался старый сакс. – Поднимайся ко мне. В ногах правды нет.

Новгородец вскарабкался по склону и уселся на холодный камень, когда Вульффер подвинулся.

– Расскажи сперва, как ты меня нашел? И не видел ли ты моих друзей из войска Харальда Сурового?

– Их самих не видел, – ответил старик. – Только следы. Они забрали сильно на юг.

Если будут до утра идти, то могут к Йорку выбраться.

– Но там же саксы! Гарольд Годвинссон с войском!

– Ошибаешься. Английский король заключил мир с Олафом Харальдсоном и Палем Торфинссоном. Разрешил увести всех людей, уцелевших в битве. Вот кораблей позволил взять всего две дюжины.

– Это же... – Вратко задохнулся, на миг представив себе, сколько же урманов погибло, если шло войско Харальда на трех сотнях кораблей, а выжившие уместились в два с небольшим десятка.

– Да уж. Поражение страшное. Не знаю, сумеют ли викинги, волки северных морей, восстановить когда-либо былую славу. Но кажется мне, что величию их державы пришел конец... – Вульффер покачал головой. – Правда, много дружин сейчас рассеяны по округе.

Ты, должно быть, сам уже догадался? – Сакс подмигнул.

– Да. Воины Лосси-датчанина спят здесь, – Вратко ткнул пальцем под ноги.

– Они сделали большую ошибку. Датчан в Англии не любят. В народе еще жива память о зверствах, творимых сыновьями Рагнара Кожаные Штаны³⁰. А норвежцы что? От них столько зла не видели.

– Но я же не могу оставить их здесь? Они умрут.

– Ты можешь разбудить их, а в благодарность за спасение потребовать верную службу.

Новгородец замолчал. Его не отпускало ощущение, что Вульффер – не тот, за кого себя выдает. Не может простой селянин, отшельник разговаривать так гладко, мыслить, словно вождь или именитый боярин.

– Кто ты, почтенный Вульффер? – парень решил спросить напрямую, не надеясь, впрочем, на чистосердечный ответ. Если старик от кого-то скрывается, то с какой радости должен раскрывать душу перед первым встречным мальчишкой?

– Я – охотник, – ощерился старик. – Иногда рыбак. Живу, никого не трогаю. Но, случается, делаю глупости, когда начинаю помогать заезжим ворлокам, которые пользуются гостеприимством правительницы Полых Холмов.

– Ты знаешь о великой королеве?!

– Шутишь? О королеве Маб у нас знает любой голоштанник. А на мою долю выпадает изредка поболтать с тем или иным выходцем из малого народа. С брауни или гилли ду. Так что мне многое ведомо, – Вульффер опять подмигнул. – Ей многое ведомо, все я провижу судьбы могучих и славных богов³¹. Вот и я тоже... Живу себе, в чужие дела не лезу.

– Я что же ты...

³⁰ Рагнар Лодброк (Рагнар Кожаные Штаны) – легендарный датский викинг, представитель рода Инглингов. В 865 году высадился в Нортумбрии, но потерпел поражение и был убит. Многочисленные сыновья Рагнара (в том числе и Бьорн Железнобокий) в 867 вторглись в Англию, отомстили за гибель отца и положили начало датскому завоеванию острова.

³¹ «Старшая Эдда. Прорицание вельвы» Перевод А. И. Корсуна

– А вот твои дела почему-то перестали быть для меня чужими. С той ночи, когда гилли ду тебя от бэньши защищал.

– Почему?

– Не знаю. Но чувствую, что не простой ты парень, ворлок из Гардарики. С тобой лучше дружить, чем в твоих врагах числиться.

Вратко насупился. Хитрый старик не ответил на заданный вопрос. Улизнул. Зато признался в дружбе...

– Много ли толку от дружбы со мной? – невесело усмехнулся Вратко.

– Больше, чем ты можешь предположить. Взять, к примеру, вождя твоей дружины.

Как там его? Хродгейр Черный Скальд? Кто его вытащит, если не ты?

– Да он, вроде бы, не сильно мучается, – словен пожал плечами.

– Ты думаешь?

– Керидвена показывала... – ляпнул парень и осекся. Брови Вульфера нахмурились, челюсти закаменели.

– Когда у нас будет больше времени, я расскажу тебе, почему не доверяю колдовству Керидвены, – отчеканил сакс. – Я не видел, что она тебе показывала, но Хродгейр в большой беде. Он нуждается в помощи.

Старик склонил голову к плечу и внимательно посмотрел на новгородца.

– Что я могу сделать? – Вратко напрягся. – Вернее, я знаю, что должен делать.

Помоги мне догнать моих друзей: Олафа, Гуннара...

– Ничего вы не сможете вчетвером, – прервал его Вульфер. – Тебе нужны датчане.

– Датчане?

– Ну да! Десять отчаянных головорезов, которые пойдут за тобой.

– Шутишь? Лосси-датчанин разрубит меня пополам и будет гордиться подвигом.

– А если нет?

– Твои бы слова да Богу в уши...

– Можешь не верить, – Вульфер пожал плечами. – Но тогда смерть Хродгейра будет на твоей совести.

– Да что ты меня пугаешь! – парень стукнул кулаком себе по колену. – Волшебный котел показал...

– Ты можешь проверить, правду ли показал тебе котел Керидвены, – старик говорил спокойно и рассудительно. Ему хотелось верить.

– Как? – потише уже спросил Вратко.

– Вот тут мы возвращаемся к разговору о твоих способностях.

– Опять?

– А ты что думал? Выбери любую лужу и смотри в нее.

– Шутишь?! Керидвена сыпала в котел травы, грибы и коренья!

– Ну, так она женщина. Хоть и колдунья не из последних. А женщины даже ворожат, будто еду готовят.

– Так я...

– Смотри в любую лужу и повторяй одну из тех вис, которые у тебя так здорово выходят.

– И все получится?

Вульфер вздохнул.

– Помнится, я начал нашу беседу с того, что твоя беда в неуверенности. Ты слишком мало веришь в свои силы.

– А ты веришь в мои силы?

– Верю.

– Больше, чем я?

– Выходит, что так. И не я один. Королева Маб не предложила бы союз неумелому чародею. Она слишком стара и слишком хитра.

Вратко замолчал, отвел глаза. Когда все вокруг твердят, что ты – волшебник, не мудрено и самому поверить. Что ж, попытка – не пытка. Что он теряет, попытавшись узнать истинную судьбу Хродгейра? А так можно будет подумать и об остальных словах Вульфера. О датчанах, например...

Он повернулся к саксу:

– Пойдем, поищем лужу?

Вульфер беззвучно рассмеялся, запрокидывая голову.

Глава 6. Чародейство в тумане

Долго искать не пришлось. В десятке шагов от пещеры, в ямке под грязно-серым валуном скопилось несколько пригоршней воды.

Вульффер молча указал новгородцу на лужицу – давай, мол, ворлок, покажи на что ты способен. А сам легко, со звериной грацией – и не скажешь, что седой весь – запрыгнул на округлую верхушку камня, уселся на корточки.

Вратко наклонился над ровной, неподвижной гладью воды. Лужицы-то всего-ничего: две пяди в длину да полторы – в ширину. Несмотря на сгущающиеся сумерки, видна каждая травинка, каждый камешек на дне.

Не заботясь о том, что штанины промокают насквозь, парень опустился на колени, поклонился водной глади.

Нужно, прежде всего, очень захотеть увидеть Хродгейра. Представить чуть насмешливого викинга с необычно черными для северян волосами и серебряной прядью в бороде. Представить острого на язык скальда, сурового воина и мудрого вождя. Соратника, способного грудью прикрыть товарищей.

И он Вратко не может допустить, чтобы с Черным Скальдом что-то случилось. Он обязан ему помочь...

Парень склонился лицом едва ли не к самой воде, едва не касаясь ее носом и, вглядываясь в глубину, зашептал:

– Брагу брата моря
Брать ли скальду в горсти?
Блеск слезы небесной
Лести неподвластен.
Дай задатку Хрофта³²
Даль прозреть. Явись нам
Ульь стальной кольчуги
Скальдом званный Черным.

Сверху послышалось одобрительное покашливание Вульффера, но Вратко уже было не до него.

Поверхность воды подернулась рябью, будто от ветерка. Словен даже подумал вначале, что причиной тому его дыхание, но... Дрожь воды улеглась столь же неожиданно, как и возникла. Вода уплотнилась, напоминая больше отшлифованное мастером серебряное зеркало, а потом в нем замелькали образы: очертания человеческих фигур, лица. Все как в волшебном котле Керидвены.

Новгородец узнал место. Вот покосившийся сарай, вот приземистый ясень с очень толстой нижней веткой, а вот и крытая дранкой избушка, которую он назвал для себя «домиком лесника». Сюда викинги Модольва-хевдинга притащили его, Вратко, и Марию Харальдовну, изловив их в лесу после сражения при Стэмфордабрюгьере. Здесь лживый монах рассказывал о Святом Граале и сулил королевне золотые горы за помощь и союз. Отсюда Эйрик повел Вратко на съедение диким зверям в лес по приказу того же монаха. К избушке они вернулись позже с товарищами по оружию: Хродгейром и Гуннармом, Олафом и Рагнармом, Игни и Свеном.

Поляну перед «домиком лесника» освещали три или четыре больших костра. У коновязи помахивали хвостами несколько боевых коней, блики пламени играли на их вычищенных кру-

³² Хрофт – одно из многочисленных имен Одина.

пах. Вокруг огня сутились воины. Бородатые, в простой одежде норвежцев: темные туники и просторные порты, завязанные у щиколоток. Рядом с ними мелькали люди в одежде чуть более изысканной – куртки с узкими рукавами, куколи³³ на головах. Скорее всего, оруженосцы рыцарей, пришедших с Эдгаром Эдвардссоном.

А где же сам наследник английского престола?

Ага! Вот и он.

Внук Эдмунда Железный Бок сидел за низким столиком, установленным в стороне от шума толпы. Блики костра играли на его щеках и бляхах перевязи. Напротив него застыл с выпрямленной спиной (словно кол проглотил) черноволосый рыцарь, стриженный в кружок. Следы усталости на его лице и засаленные, слипшиеся пряди волос, падающие на брови, свидетельствовали о долгом пути без удобств, приличествующих благородному путешественнику. И к столу его, по всей видимости, пригласили сразу по прибытии: заодно подкрепиться и узнать, с чем пожаловал.

Черноволосый старательно жевал. Расправлялся с половиной зажаренного на вертеле петуха так, что играли желваки под небритыми щеками. Эдгар Эдвардссон проявлял пока что самые легкие признаки нетерпения: барабанил пальцами по столешнице и то и дело поглядывал на отца Бернара, замершего тут же, между двух рыцарей.

Монах сильно осунулся с того вечера, когда Вратко видел его последний раз. Седая щетина на подбородке – о бритье он, похоже, забыл, – глубоко запавшие глаза и резко очерченные борозды морщин, тянущиеся вниз от крыльев носа. Но никому бы не могла прийти в голову крамольная мысль: пожалеть отца Бернара. Глаза священнослужителя горели неистовым огнем, а сурово поджатые губы заставляли обоих рыцарей опасливо поглядывать на ревнителя Веры.

Рыцарь Эдгар внезапно пошевелил губами. Должно быть, что-то сказал.

Движение челюстей черноволосого рыцаря на миг приостановилось. Он пожал плечами и вопросительно глянул на монаха.

Отец Бернар воздел взор к беззвездному небу. Забормотал неслышно – волшебство заставило лужу передавать лишь образы, но не звуки. Черноволосый слушал, не перебивая, а Эдгар Эдвардссон все время пригибал голову, как бычок, собравшийся бодаться. Потом начал коротко возражать, прихлопывая для убедительности ладонью по столу. На каждое его слово Бернар находил не меньше десятка, причем произносил их неторопливо, крестясь и перебирая четки, умильно закатывая глаза. Наконец, когда рыцарь, надо полагать, исчерпал доводы, священнослужитель кивнул и размашисто перекрестился. Обернулся, глянул через плечо.

И тут Вратко увидел Хродгейра.

Черный Скальд стоял, прижавшись спиной к серому стволу ясеня. Грудь, живот и ноги его обвивали толстые, разлохмаченные веревки. Викинги такими привязывают грузы на кнарах³⁴, чтобы не смыло волной за борт. Насколько позволял разглядеть неровный свет от костров, а ясень, кроме всего прочего, стоял довольно далеко от огня, кожаную куртку норвежца пятнали темные потеки, подозрительно похожие на кровь. На скуле Хродгейра наливался порядных размеров синяк, а один глаз заплыл.

Вот тебе и мирная беседа!

Викинг неподвижно смотрел в даль, поверх вражьих голов. На его лице застыло презрение, присущее истинным храбрецам. Не будет свободный лесной зверь унижаться перед поймавшими его охотничьими псами и княжескими ловчими, выпрашивая пощаду.

Рыцари – русобородый Эдгар и чернобородый незнакомец – поднялись.

Неторопливо, вразвалку приблизились к Хродгейру.

³³ Куколь – капюшон переходящий в воротник на плечах, деталь мужского костюма.

³⁴ Кнапп – торговое судно викингов.

Отец Бернар, сложив ладони пред грудью, беззвучно шевелил губами.

Эдвардссон постоял чуть-чуть почти вплотную к Черному Скальду, а потом коротко, без замаха ударил викинга в живот. Потом еще и еще раз. Лицо Хродгейра не дрогнуло, хотя голова раскачивалась в такт ударам. Он только прикрыл глаза, будто бы испытывал отвращение, глядя в рожи мучителей.

Рыцарь-сакс заорал, сгибая колени. Аж жилы на шее вздулись. Пнул хёрда по голени.

Скальд приоткрыл один, не подбитый глаз. Решительно покачал головой.

Эдгар ударил кулаком снизу в челюсть. Голова викинга мотнулась – Вратко даже испугался, что шея не выдержит, – и ударилась затылком о ствол.

Черноволосый рыцарь мягко придержал Эдвардссона за плечо. Долго растолковывал что-то, наклонившись к его уху. Сакс кивал, притопывая ногой. После позвал оруженосцев. По его приказу развели небольшой костерок неподалеку от ясеня.

Вратко, словно замороженный наблюдал, как чернобородый вытаскивает из ножен, привешенных к поясу короткий, около десяти вершков, граненый узкий клинок, осматривает его и возвращает на место. Взамен квиллона³⁵ он взял в руку охотничий нож, протянутый одним из зубоскалящих викингов Модольва, сунул лезвие в пламя.

Новгородец попытался зажмуриться, поскольку догадался... почти догадался, что сейчас будет. Но не смог. Смотрел в лужу, охваченный оцепенением, которое лишало сил, обездвиживало.

Полыхающее алым лезвие прочертило полосу в воздухе и прижалось к щеке Хродгейра. Скальд оскалился, запрокидывая голову.

Эдгар Эдвардссон с перекошенным от злобы лицом что-то говорил, отмахивая рукой. А черноволосый продолжал прижимать раскаленное лезвие к щеке Черного Скальда. Он убрал нож лишь когда голова норвежца бессильно опустилась на плечо. Тогда Эдгар быстрым движением схватил Хродгейра за волосы и, приблизив глаза к глазам, выкрикнул длинную тираду.

Хёрд долго смотрел на него. Клиновидная рана на щеке влажно поблескивала в свете костров. Наконец, Хродгейр набрал воздуха в грудь и смачно плюнул прямо в глаза внука Эдмунда Железный Бок.

Тотчас на викинга обрушился град ударов. Старались двое оруженосцев, которых Вратко помнил еще по давней беседе их господина с Модольвом Белоголовым. Один – широколицый, коренастый, с высокими залысинами, а второй – тонкокостный юноша с волосами до плеч и глазами херувима. Мальчишка даже опережал своего засидевшегося в сквайрах³⁶ товарища в стремлении зацепить Хродгейра побольнее.

Эдвардссон тем временем утирался рукавом, а черноволосый рыцарь, посверкивая зубами, вновь калил острие ножа.

Приблизившийся отец Бернар мягко опустил ладонь на плечо Эдгара. Назидательно проговорил пару слов, подняв кверху палец. Рыцарь дернулся, стряхнул руку священника. Чернобородый покачал головой, знаком отогнал оруженосцев. Отдал пару распоряжений.

Юноша отбежал и вернулся с ведерком, которое выплеснул на голову и грудь пленника. Хродгейр вздрогнул и поднял голову. Левый глаз скальда заплыл окончательно, а вдобавок его заливала кровь, тонкой струйкой сбегаящая из рассеченной брови.

Отец Бернар брезгливо взял хёрда за подбородок, внимательно посмотрел ему в лицо, а потом заговорил. Монах обратился к Черному Скальду, показывая викингу распятие.

Вратко не видел лица святоши, но глаз Хродгейра, слушающего речи монаха, опасно сузился. Губы напряглись...

³⁵ Квиллон – кинжал, являющийся уменьшенной копией европейского меча.

³⁶ Сквайр, эсквайр (англ. *esquire*, от лат. *scutarius* – щитоносец) – в раннем средневековье – оруженосец рыцаря; позже – почетный титул в Великобритании.

Он прервал излияния монаха злыми, резкими словами. На разбитой губе скальда вздулся кровавый пузырь.

Бернар отшатнулся. Замахнулся тощим кулачком.

Эдгар Эдвардссон опрометью бросился к костру, голой рукой выхватил головню и, отгеснив монаха плечом, ткнул пылающей веткой Хродгейру в глаз. Замахнулся еще раз...

Новгородец вскрикнул.

Вода пошла рябью, разбивая изображение на тысячу маленьких, дрожащих картинок.

Вратко отшатнулся, потом упал лицом в лужу.

Ледяная вода ворвалась в ноздри, хлынула в рот, плеснула в уши. Парень закашлялся.

Вульффер схватил его за шиворот и оттащил в сторону.

– Что ты видел? – спросил старик, наклоняясь над откашливающимся и отплевывающимся словеном.

– Откуда ты знал? – вопросом на вопрос ответил Вратко.

– Что Хродгейр в плену? Видел.

– Как? Как ты мог видеть? Ты...

– Нет. Я не с ними заодно, если ты об этом.

– Тогда как?

– Подкрался. Я ведь всю жизнь в лесу. Ты меня понимаешь?

Вратко кивнул.

– Ну, вот видишь... Морским хищникам ни за что не почуять лесовика. Здесь они как дети. А что говорить о заносчивых рыцарях?

– Они... они Хродгейра... – попытался рассказать парень. Остановился, зачерпнул воды из лужи, плеснул в лицо.

– Пытали?

– Железом каленым жгли. Эдгар Эдвардссон, провалиться бы ему... И чернявый... Не знаю кто он и откуда взялся.

– Чернявого я не помню... – озадаченно проговорил Вульффер. И добавил. – Ты уже решился будить датчан?

– Да! – Вратко сжал кулаки.

– Вот и молодец. Речь настоящего воина.

– А ты проведешь нас коротким путем к избешке?

– Проведу. Обещаю, – серьезно ответил сакс.

Новгородец поднялся на ноги. Поправил меч, оттягивающий пояс на левом боку...

– Тогда я пошел.

Уже у самого входа в пещеру Вратко вспомнил, что так и не сделал нового факела. Пришлось задержаться. В сгущающихся сумерках он ни за что не нашел бы сухих веток, если бы не помощь Вульффера. Старик помог ему скрутить тонкую вязанку. Она даже разгорелась без особых трудов.

– И не забудь потом разогнать туман, – напутствовал парня Вульффер.

«Интересно, как я должен туман разгонять? – думал словен вступая, под низкий свод. – Я и в том, что разбужу их, не уверен до конца... Хорошо ему рассуждать, а попробовал бы сам. А я поглядел бы».

Викинги лежали все в так же неподвижно. Ни один из них не сдвинул руку или ногу. И по прежнему ни храпа, ни других каких звуков, кроме тихого сопения, свидетельствующего, что они спят, а не умерли.

– Ничего, воины датские, Вальхалла подождет вас... А пока что вы нужны мне.

Вратко вознес огонь факела над головой, попросив помощи и поддержки у перунова братца, и проговорил:

– Беда взяла неожиданно
Данов в полон смелых.
Сном смежила вежды
Прежде битвы честной.
Слово скальда слушай,
Славен вождь дружинный.
Стылый сон стряхните
Встаньте строем ратным!

Вначале ничего не произошло. Не задрожали холмы, не мигнуло пламя, не потянул ветер, как ожидал новгородец.

Несколько ударов сердца сохранялся мертвая тишина. Датчане лежали неподвижно...
Зато потом!

Парень и не надеялся, что сказанная им виса сработает так быстро и неотвратно.

Викинги охнули одновременно.

Одиннадцать пар глаз уставились на Вратко.

Одиннадцать пар рук схватились за оружие.

«Вот сейчас меня искрошат, как капусту», – мелькнула малодушная мыслишка.

Лосси Точильный Камень первым попытался вскочить на ноги. Застонал, упал на одно колено, выронил топор.

– Тролльи потроха!

Рядом с ним викинг со шрамом на щеке рухнул на четвереньки. Пожилой лысоватый датчанин грязно заругался, ударившись локтем.

И началось!

Хирдманы Лосси падали, цепляясь за одежду друг дружки. Звенели на камнях выкальзывающие из пальцев мечи и секиры. Викинги ругались, поминая кишки троллей и причандалы йотунов.

В один миг под сводами пещеры стало шумно, как на волинском торгу.

Словен сперва не мог понять – в чем же дело? И лишь потом сообразил: если спать в холоде и сырости, все мышцы затекают и теряют способность двигаться, все суставы начинают болеть. Вот так и получается, что ноги отказываются ходить, а руки – держать оружие.

Викинги продолжали копошиться на полпещеры, сбившись в еще более беспорядочный клубок, чем во время сна.

– Датчане! – Вратко решил воспользоваться их беспомощностью и хотя бы попытаться договориться добром. – Воины! Вы узнаете меня?

– Ворлок! – выплюнул рыжебородый дружинник.

– Чародей из Гардарики... – протянул седой.

– Безбожник! – парнишка в драной рубахе попытался перекреститься. Выходило у него плохо, поскольку ладонь насмерть вцепилась в рукоять топора.

– Ты ворлок из Хольмгарда! – хрипло проговорил сам Лосси. – Ты явился по наши души, порождение Локи?

– Не нужны мне ваши души, – Вратко старался говорить твердо и уверенно, как говорил Хродгейр во время королевского суда на Оркнеях. – Я пришел помочь вам? Мы можем поговорить, Лосси-датчанин?

Точильный Камень озадаченно pokrutil головой. Прикрикнул на своих:

– Тише! Раскудахтались тут! Вы воины или трэли³⁷?!

Хирдманы пристыжено замолчали.

³⁷ Трэль – раб.

– Чего ты хочешь, ворлок? – Лосси медленно поднялся. Гордость прирожденного воина не позволяла ему разговаривать стоя на четвереньках или на коленях. Он кряхтел, лицо викинга кривилось от боли, но он все же встал, тяжело опираясь на рукоять топора.

– Я разбудил вас... – начал новгородец, но его перебил плешивый датчанин:

– А кто насрал на нас чародейский сон? Сам же и насрал!

– Неправда, – Вратко покачал головой. – Не я вас усыплял. Кто? Не знаю. Но можем попытаться выяснить это вместе. После...

– Не ты нас усыпил? – нахмурился Лосси. – А кто? Кто здесь ворожит, колдует, напускает порчу? Я не знаю другого ворлока, кроме тебя...

– Если ты не знаешь, то не значит, что их нет! – отрезал Вратко, вспомнив королеву Маб и Керидвену. И одна, и вторая запросто могли бы насрать волшебную сонливость на чужаков. Обеим эти чары по силам, обе способны на хитрость, когда им выгодно.

– Да? А кто даже тогда это сделал? – упрямо наклонил голову датский хевдинг. По обыкновению северян он не собирался никому верить на слово.

– Сказал же – не знаю. Но если ты потребуешь, выясню. Могу даже поклясться тебе в этом.

– Поклясться? Пустое... Знал бы ты, сколько раз мне приходилось давать клятву, а после брать слова назад. Попробуй убедить меня, что ты тут ни при чем.

– Разве то, что я вас разбудил, не самое лучшее доказательство?

– Нет, – отмахнулся Лосси. – Ворлоки всегда ищут выгоду лишь для себя.

Новгородец вздохнул.

– Пойдем наружу, там, на свежем воздухе, я вам свидетеля покажу. Пускай он нас рассудит.

– А почему мы знаем, что там нас саксы не ждут? – снова встрял плешивый.

– Ждут. Обязательно ждут, – не стал возражать словен. – Но всего один и настроен он дружелюбно.

– Ты стал труслив, как заяц, Бьёрн! – покосился на болтуна Лосси. И снова обратился к Вратко. – Мы выйдем отсюда, ворлок. Не самое лучшее место... – Он поёжился. – Но ты ответишь на мои вопросы. И постарайся, чтобы ответы мне понравились.

– Мои ответы – не марка серебра, чтобы всем нравиться, – пожал плечами новгородец. – Могу пообещать, что скажу тебе правду. А там решишь для себя – друг я вам или враг. Годится?

– По рукам! – впервые за время разговора Точильный Камень улыбнулся. – Пошли!

Выбравшись из-под каменных сводов Вратко первым делом окликнул старого сакса: – Вульффер! Вульффер, ты где?!

Ответом была тишина.

Уже совсем стемнело. Туман отражал отблески факела, играя всем оттенками красного: от багрового до ярко-алого. Мутно-белесая стена приступала совсем близко... Ну, как тут дорогу найти! И старик запропастился куда-то...

– Вульффер!

Тишина...

– И где же твой свидетель, ворлок? – Лосси шагал еще неуверенно, но уже гораздо ровнее.

Его хирдманы выбирались, поддерживая друг друга, опираясь на оружие, хватаясь руками за стены подземного хода. Кто-то, вдохнув полной грудью сырой, но все-таки свежий воздух, садился прямо там, где стоял. Другие с наслаждением впитывали и сырость, и холод – ведь это запах спасения и свободы.

– Откуда я знаю? – парень развел руками. – Он – вольный человек. Хочет – приходит, хочет – уходит.

– Как селедка, – усмехнулся Бьёрн. – Хвостом махнул и поплыл... То в море, то во фьорд. Викинги негромко засмеялись.

«Ну, если хохочут, значит не пропадут, – подумал Вратко. – Для урман смех – первая радость в жизни... Нет. Вторая. Первая – голову кому-нибудь с плеч снести. И, кажется, с моей головы они сейчас и начнут...»

– Вот скажи, ворлок, что мне с тобой делать? – Лосси держал топор наперевес, прижимая к груди, как мать новорожденного младенца. – Я познакомился с тобой нынешним летом, но с тех пор удача развернулась ко мне задом. И лопни мои глаза, если это тот зад, который может соблазнить мужчину. Я уже жалею, что ввязался в поход Харальда Сурового. Ни денег, ни славы не добыл, а почти всю дружину потерял. И корабль... – Лицо Точильного Камня на мгновение страдальчески сморщилось. – Мой дреки... Мой «Жрущий ветер». Где он теперь, ворлок?

– Я-то тут при чем? – Вратко развел руками. – Разве я уговаривал тебя плыть на Оркнейские острова?

– Мои неудачи начались, когда я повстречал тебя, – угрюмо повторил викинг.

– Ну, извини... И позволь мне сделать так, чтобы встречей со мной они и закончились.

– Я тебе не верю, – Лосси перехватил топор покрепче. – Знаешь, что мне хочется сделать?

– Догадываюсь.

– Разрубить тебя на две половинки. А потом еще на две. Да разбросать их подальше одну от другой. Знаешь, зачем?

Новгородец молчал, прикидывая, в какую сторону лучше будет убегать, если датчанин от слов перейдет к делу.

– Не знаешь? Так я скажу, – продолжал между тем Лосси. – Что бы части твоего тела не срослись вместе, послушные чародейским заклинаниям, а душа твоя вечно блуждала во мраке и холоде Нифльхеля!

Его хирдманы одобрительно переговаривались. Двое или трое, выглядевших покрепче прочих, потянули мечи из ножен.

«Сделает хоть шаг в мою сторону, побегу! Чего-чего, а догнать меня будет для них трудновато. Какое-никакое, а преимущество... Эх, втравил меня Вульффер в дельце! А сам удрал. И не попрощался даже. Вот и думай, что знаешь человека...»

Седой волк бесшумно выступил из тумана и остановился между Вратко и датчанами.

Новгородец услышал глухой рык, увидел вздыбленную шерсть на загривке зверя и вполне мог представить себе, как сморщивается верхняя губа, обнажая длинные, чуть желтоватые клыки.

Лосси отшатнулся. Лица его дружинников побелели, как полотно.

– Да ты, и правда, ворлок... – протянул плешивый Бьёрн.

Вратко приосанился, бросил ладонь на рукоять меча. Турс его знает, откуда приходит этот волчара, но он не враг. Это точно. Значит, нужно пользоваться его помощью и поддержкой. Чтобы спасти Хродгейра, ничем пренебрегать нельзя.

– Вы слишком много толковали, что я ворлок, – проговорил парень. – И ты, Лосси Точильный Камень, и епископ Бирсейский, и монах Бернар. Так долго, что я и сам в это уверовал. Уверовал и начал колдовать по мере сил. Знаешь, получается неплохо...

Датчане хмурились, но слушали. Наброситься не пытались.

– Ты зря ставишь мне в вину проигрыш у Стэмфордабрюггера. Если ты помнишь, многие скальды говорили тогда свои стихи. И я тоже. Ведь сам Харальд Сигурдассон просил меня об этом. Смог бы ты, Лосси-датчанин, отказать великому конунгу? Я говорил вису и бой начал поворачиваться в нашу пользу. Ты помнишь это? Саксов отбросили от строя, «Опустошитель земель»³⁸ пошел вперед, на врага... Победа уже улыбалась норвежскому войску. Ты помнишь это, Лосси-датчанин?

³⁸ «Опустошитель земель» – знамя Харальда Сигурдассона Сурового.

- Помню, – коротко ответил викинг. – Но я помню и...
- Правильно! Ты помнишь и развязку. Ту шальную стрелу, что сразила Харальда Сурового. Отвагу и решимость, забурлившие в сердцах саксов, когда они увидели, как пал величайший воитель северных земель. Ты это помнишь?
- Да! Помню!
- Тогда знай, что виной нашему поражению был отец Бернар, вероломный монах. Он приплыл в Англию с войском Харальда, но желал победы саксам. Здесь ему передали священную реликвию римской церкви – ноготь Иисуса Христа. Он читал над ней молитву и тем самым свел на нет мое заклинание.
- Складно болтаешь... – протянул Лосси.
- Откуда он это знает? – буркнул рыжебородый викинг.
- Я знаю это от самого Бернара. После боя он захватил в плен меня и Марию Харальдовну, дочь конунга.
- Она здесь откуда взялась? – брови датского хевдинга полезли на лоб.
- Тайком приплыла на «Слейпнире».
- Кто в здравом уме поверит в такую чушь?! – воскликнул Бьёрн.
- Хочешь поговорить с королевной? – решил добить его Вратко. – Пусть она подтвердит – прав я или нет!
- Ты уже обещал нам свидетеля! – возразил плешивый. – Не это ли волк твой свидетель?
- А если и он?
- Как нам проверить твои слова? – рассудительно произнес Лосси. – Ты то обещаешь свидетеля, то говоришь, что он куда-то сбежал. То рассказываешь о Марии Харальдсдоттир, что она в плену у саксов...
- Не только у саксов. Модольв-хевдинг по кличке Белоголовый тоже заодно с монахом.
- Пускай. Разницы нет – что в лоб, что по лбу. Ты говоришь, что она в плену, а потом предлагаешь встретиться с ней...
- Она была в плену, Лосси-датчанин. Была. Хродгейр Черный Скальд отбил нас, потеряв при это несколько воинов. Но и самого его захватили враги. Он уводил погоню от нас.
- Это возможно, – не стал спорить хевдинг. – Что было дальше?
- Дальше мы решили вызволить его. Мы – это я, Гуннар-кормщик, Олаф...
- Достойные воины. Я рад, что они выжили после Стэмфордабрюгера.
- Но я потерялся в тумане. Заблудился и случайно наткнулся на пещеру, где вы спали.
- Похоже на правду.
- Я разбудил вас потому, что хочу просить вашей помощи, датские мореходы. Помогите спасти Хродгейра. Я очень прошу вас. Помогите. А после можете возвращаться к Риколлу. Может, вам удастся завладеть «Жрущим ветер»?
- Лосси задумался.
- Как я узнаю, что ты не лжешь мне? Кто ворлоку доверится, до утра не доживет... – викинг покосился на волка. Зверь сохранял неподвижность. Только кончик хвоста подрагивал.
- Я могу только предложить тебе, Лосси-датчанин, пойти со мной и убедиться, что я говорю правду, – Вратко развел руками. – Если я вру, то...
- То мы угодим в ловушку, – едко заметил плешивый.
- Дело ваше, – новгородец вздохнул. Он уже устал и подумывал, как бы отправиться восвояси. Клыки волка удерживают датчан от опрометчивых поступков. Так чего еще надо?
- Мне не нравится все это, – сказал Лосси, помедлив. – Отступая от Йорвика, мы попали к этому холму. Асgrim, – он кивнул на мальчишку, – заметил пещеру. Шел снег – удивительно для начала осени. Мы решили спрятаться и переждать непогоду. Бьёрн сразу сказал, что чует беду. Как всегда.

– А ты, как всегда, не стал меня слушать, хевдинг, – немного обиженно заметил плешивый.

– Что делать? Ты слишком часто видишь подвох там, где его и быть не может. Но на этот раз ты оказался прав. Я помню далекое пение – у нас говорят, что так поют черные альвы, танцуя на пастбищах в полнолуние... А потом я услышал твою вису, почувствовал, что промерз до костного мозга, увидел твой факел и твою наглую ворлоцкую морду...

Вратко молчал. Не перебивал. Оскорбления можно стерпеть. Небось, глаза не лопнут.

– Теперь ты рассказываешь нам байки, – продолжал Точильный Камень, – про колдующего монаха, про какой-то ноготь Белого Бога, про Хродгейра, которого я знаю как достойного воина, главная беда которого – излишняя любовь к ворлокам и умение вступать в неприятности. Но он не бежит от опасности. И про меня никто никогда не мог сказать, что я – трус. Хродгейру стоит помочь. А там и про «Жрущего ветер» можно подумать... Ты сможешь нас провести, ворлок?

– Я не смогу, – честно ответил Вратко. – А он сможет. – Словен показал на волка. – Я не знаю, откуда он взялся, но к вам меня вывел он.

– Лосси! – Бьёрн схватил вождя за рукав. – Ты ему веришь? Ворлок да вервольф!

Вот так парочка! И ты им доверишься?

Точильный Камень резво обернулся к дружиннику. Сграбастал его за грудки.

– Бьёрн! Ты хочешь, чтобы Лосси-датчанина считали трусом? Чтобы я утратил уважение морских хевдингов от Свальбарда³⁹ до Сицилии?

– Нет, что ты... – пробормотал плешивый. – Просто осторожность...

– Я буду осторожен, – пообещал Лосси. – Если ворлок обманет нас, то не проживет дольше, чем нужно для хорошего замаха топором! Но бегать от драки!? – Он отпустил Бьёрна, повернулся к прочим хирдманам. – Датчане мы или нет?!!

– Веди нас! – выкрикнул рыжий.

– Ох, и дал бы я саксам! – поддержал его сутулый длинноусый воин.

– В драку! – ломким голсоом прокричал Асгрим, потрясая секирой.

– Так когда же я от доброй потасовки отказывался? – пожал плечами Бьёрн. – Но я тебя предупреждал – ухо остро держи!

– Не учи ученого! – Лосси взмахнул над головой топором. – Я – самый осторожный хевдинг от Варяжского моря до Греческого!

Хирдманы датского вождя заулюлюкали, потрясая кулаками.

– Слышал, ворлок? – Лосси улыбался от уха до уха. – Веди нас к Хродгейру. Или зверь твой пусть ведет. Нам все равно! Только что ты с туманом проклятым сделаешь?

– Попробую разогнать... – Вратко в душе ликовал, но вида не показывал. – Ворлок я или нет?

Парень задумался, складывая кеннинг к кеннингу, а хейти к хейти... – Вот мое заклинание. Я призову ветер разогнать туман!

Зрю: укрыла сырость мглою
Рытвины ограды моря
Проку нет тарашить око
Волка друг щенка слепее.
Древа смерть послушна скальду
Резвым скоком ключья сгонит
Враг крыла ладьи расчистит

³⁹ Свальбард – «Холодные берега», предположительно арктические острова: Шпицберген или земля Франц-Иосифа.

Вранов торную дорогу.⁴⁰

Датчане слушали молча, исподтишка озираясь по сторонам. Недоверие хирдманов можно было понять – вроде бы ворлок на их стороне, а все равно боязно. Волшба – дело темное и ждать от нее можно все, что угодно. Например, молния ударит с неба или клыкастое чудовище выскочит из мутной мглы.

Поэтому на лицах отразилось облегчение, когда первый порыв ветра пробежал над холмом, дернул пелену, будто занавесь, потянул ее за угол, безжалостно разрывая на клочки, погнал обломки прочь от леса, за холмы на северо-запад.

В небе выглянули звезды и бледный серп Волчьего Солнышка.

⁴⁰ Виса сложена размером – хрюнхент.

Глава 7. Бой на поляне

Волк не подвел. Вывел точно, куда следовало. На окраину той самой опушки, памятной Вратко по плену и по схватке с хирдманами Модольва Белоголового. Признаться по чести, проводник из серого вышел – лучше не бывает. Он не торопился, как это случается даже с самыми умными и обученными лайками, не забегал вперед – спокойно и уверенно соизмерял трусцу со скорым шагом датчан, не рыскал по кустам, не вел напрямую через овраги или заросли терновника, выбирал дорогу поровнее, то и дело оглядываясь ан людей, которые не уставали шепотом обсуждать на диво умного зверя. Громко говорить о волке урманы опасались – ведь взгляд его янтарных глаз казался по-человечьи разумным.

По дороге Вратко много думал, что сделает с монахом и рыцарями, если те попадут ему в руки живыми. Лживые мерзавцы, убивающие с именем Бога на устах, пытающие и калечащие, поминая великое милосердие Иисуса Христа. Одним своим существованием они унижали род людской, а служением Господу, оскорбляли его светлое имя. Ведь все, что Вратко слышал о Сыне Божьем еще в Новгороде, противоречило поступкам здешних его служителей. И они еще хотят раскинуть плащаницу Веры на все известные земли! Объявляют народы, исповедующие любую другую религию, иноверцами и язычниками. А сами что творят? И дело даже не в Хродгейре, хотя пытки пленного достойным делом не назовешь... Как объяснить поступок отца Бернара, недрогнувшей рукой обрекшего на смерть сотни, а то и тысячи норвежских воинов? Да и саксов тоже, если подумать. И все ради чего? А просто чтобы хитростью и уловками изменить расклад сил на острове в пользу Вильгельма Нормандского. И как это назвать? Радением за Веру? А может, жестокостью и пренебрежением человеческими жизнями? Да за все их провинности перед людьми и Богом и монаха Бернара, и рыцаря Эдгара Эдвардссона стоило бы казнить самой лютой казнью. Например, живьем в землю закопать. Или привязать к скале, которая в прилив покрывается водой, как поступил великан Суттунг с карликами-гостеубийцами Фьяларом и Галаром. Можно вспоминать еще немало изощренных способов. Король Элла посадил Рагнара Кожаные Штаны в яму со змеями, а древлянский князь Мал велел привязать Игоря Рюриковича за ноги к двум березам и сделал две половинки князя киевского. А уж если жития святых вспоминать... Одного камнями побили, а с другого раскаленными клещами кожу рвали. Тех в печь огненную бросили, а этих – в ров со львами. На крестах распинали, головы секли, вешали, топили, в землю зарывали, да не полностью, а по шею, чтобы дольше мучались. Может быть поэтому ревнители Римской Церкви так жестоки к поверженным врагам, что с юных лет читают о казнях и пытках, о том, как глумились идолопоклонники Римской империи над апостолами и проповедникам Слова Божьего? И возрастает в душах желание отомстить... Как там в Священном Писании? «Мне отмщение, и аз воздам⁴¹». Вот только забывают, что слова эти принадлежат Богу. И не пристало смертному подменять собой Бога, браться за его дело, его работу, его суд... Или отец Бернар считает себя равным Богу? Тогда он – хуже самого закоренелого грешника. Так говорил новгородский священник, отец Андрей.

С головой окунувшись в невеселые мысли, Вратко едва не упал, подвернув ногу в небольшой рытвине. Рыжий викинг по имени по имени Торд поддержал его под локоть. – Глаза не закрывай! – буркнул датчанин. – Нос расшибешь.

– Спасибо!

– На здоровье.

⁴¹ Цитата встречается в Ветхом Завете (Пятая книга Моисеева) и Новом Завете (Послание к Римлянам апостола Павла, гл. 12, ст. 19).

Словен подумал, что хорошо бы присесть и растереть щиколотку, но викинги торопились, а потому пришлось терпеть боль. Ничего, переживем. Не сломал, связки не порвал. Так, растянул слегка...

Зато растяжение и вынужденная легкая хромота отвлекли парня от досужих размышлений о милосердии и жестокости, о мести и всепрощении.

И вот перед их взорами поляна.

Точильный Камень, следует отдать ему должное, почуял запах дыма раньше других и знаком приказал хирдманам хранить тишину. Мореходам его предупреждение не слишкомто помогло. Но они постарались хотя бы не разговаривать на ходу и поменьше топтать.

Волк оглянулся в последний раз и, вильнув хвостом, растворился в темноте.

Новгородец понял, что дальше нужно действовать самим, не рассчитывая на помощь и подсказки.

Перед избушкой лесника багрово отсвечивали два потухших костровища. Огонь третьего поддерживался понемногу. Должно быть, дружинники Модольва думали, что свет поможет им лучше охранять покой спящих товарищей. Трое воинов сидели и пилились на язычки пламени, не догадываясь, что после огня окружающий мрак будет казаться еще темнее.

На краю освещенного круга Вратко разглядел Хродгейра.

Черный Скальд по-прежнему стоял, привязанный к толстому стволу дерева.

«Раз не отвязали и не выбросили на съедение воронам, значит еще живой, – подумал Вратко. – Или, по крайней мере, можно надеяться, что живой».

Парень только попытался протолкнуться поближе к Лосси, намереваясь посоветовать викингу напасть молча и стремительно, чтобы застать врага врасплох, но не успел. Крутанув над головой топор, Точильный Камень заорал во всю мощь луженой глотки:

– В бой, даны!!! Руби-круши!

– В бой! В бой! – радостно подхватили хирдманы.

– Лосси! Лосси! Бей-круши! – выкрикнул Торд, со всех ног устремляясь на поляну.

Если дружинники Модольва и намеревались бы подать знак своим товарищам, то теперь в этом отпала всякая нужда. Сторожа вскочили на ноги, озираясь по сторонам, выхватили мечи. Один из норвежцев свистнул в четыре пальца.

Вратко понял, что должен бежать вместе со всеми, если еще хочет принять участие в потехе. В отличие от датчан, мчащих со всех ног, чтобы достать врагов наточенным железом, он поспешил к Хродгейру.

В какой-то миг парню показалось, что он вернулся назад во времени. Что там рассказывала Керидвена о потаенных особенностях Полых Холмов? Растягивают время, сжимают время... А туда-сюда человека бросать никакого колдовства еще не придумали? Кто знает... Ведь иногда кажется, что все, что происходит с тобой сейчас, ты уже переживал когда-то. Те же тени, те же мерцающие огни от прогоревших углей. Тот же топот и крик, лязг мечей и хриплые выдохи. Толкотня и острое ощущение опасности. Смерть становится живой и осязаемой, заглядывает пустыми глазницами через плечо, щекочет ноздри запахом сырой земли и смрадом разложения, солоноватым духом пролитой крови и холодным – стали, плетущей в воздухе сложные узоры. Вот так же он бежал десяток – или пару? – дней тому назад. Только рядом с ним были решительный Хродгейр и суровый Гуннар, разгневанный Олаф и сосредоточенный Свен. Рагнар Щербатый подбадривал соратников молодецким «гиканьем», а Игни тарасился по сторонам, мало чем отличаясь от самого словена. А сейчас его окружают воюющие от жажды крови датчане, доверившиеся словам ворлока. Если кто-то из них погибнет, ляжет ли это на душу Вратко таким же тяжелым камнем, как и смерти Асмунда и Свена? Или кровь, пролитая чужими мужиками, не может приниматься так близко к сердцу?

– Бей-круши! – Лосси обрушил топор на голову первого сторожа.

Норвежец рухнул, как сноп. Без звука, даже умирая, не дрыгнул ногами.

Второго свалил Бьёрн, хладнокровно подбежав сбоку, пока воин из дружины Модольва пытался зарубить Асгрима.

Третий оказался датчанам не по зубам. Метнулся в сторону, проскочил между двумя викингами, которые столкнулись и повалились на траву, ругаясь почему зря. Мечом норвежец полоснул по животу курносого усатого датчанина, а зажатый в левом кулаке нож вогнал в горло Торду. Рыжий запрокинулся, булькая кровью, а умелец бросился в темноту, ища передышки и спасения.

Лосси устремился за ним.

– О-о-о-дин!!! – как и большинство урман, хевдинг в бою забывал о крещении и возвращался к богам предков. – Бей-круши-и-и!!!

«Откуда у него такая голосина, – подумал Вратко, уже поравнявшись с Черным Скальд. – Сам коротышка-боровичок, а ревет, как медведь, которого среди зимы из берлоги подняли».

В следующий миг новгородец увидел изувеченное, измаранное кровью и копотью, покрытое кровоподтеками лицо Хродгейра. А в особенности – выжженные глаза хёрда.

Время остановилось для Вратко. Есть ли на этом свете более изощренное издевательство над человеком, нежели лишить его зрения? Вот так в одночасье отрезать его от красок жизни. Парень похолодел, представив, что должен ощущать Черный Скальд. Никогда викингу не увидеть крутой, поблескивающий бок морской волны, темно-зеленой в непогоду, лазурной под ярким солнцем, иногда серой, а иногда синей-синей, до пронзительности. Не увидеть неба, нежно-сиреневого на рассвете, багрового на закате, и бегущих облаков, то грязных, как нечесаная шерсть, то белоснежных, подобно лебяжьему перу. Для него теперь недоступны легкое трепетание листвы на ветру, волнующаяся трава на поляне, черно-сизые ягоды на заснеженных кустах терновника и алые гроздья рябин, «озерки» цветущего льна и глазки ромашек. Не следить викингу за стремительным полетом сокола и за парящими над водной гладью чайками. Не командовать ему больше боевым дреки, что оскалив драконью пасть, венчающую штевень, стремится на врага, не идти впереди строя хирдманов с остро отточенной сталью в руке.

Тяжело утратить ноги или руки, оглохнуть или онеметь, но глаза...

Парень задохнулся от жалости, которая сменилась клокочущим гневом. Да что ж это за люди такие?! Рыцари? Где же ваша честь и доблесть? Монах? Разве этому учил Иисус Христос апостолов и людей, жаждущих света высшей истины? Да вы хуже зверей лесных! Медведь рвет когтями, волк вцепляется клыками, тур поднимает на рога, гадюка жалит... Но они не увечат врага нарочно, стремясь превратить его в жалкого калеку, беспомощного и несчастного.

– Ты живой? – нерешительно проговорил новгородец. Просто, чтобы сказать хоть что-нибудь. Чтобы Хродгейр не стоял неподвижно, словно прикрученный к дереву труп, брошенный на прокорм падальщикам.

Долго, очень долго Черный Скальд молчал. Вратко даже подумал было, что оправдались самые худшие его предположения. Подумал и покрылся липким холодным потом. Но тут губы хёрда дрогнули.

– Кто тут?

– Это я... – не сумел придумать ничего лучшего Вратко.

Но Хродгейру хватило услышать звук его голоса.

– Подарок Ньёрда? Ты?

Хродгейр попытался улыбнуться, но разбитые губы лишь искривились.

– Я! Я! – обрадовано закричал Вратко. Засуетился. – Сейчас... Сейчас я тебе помогу.

Пальцы словена шарили на поясе в поисках ножа. Только ощутив широкий ремень, он вспомнил, что не брал ножа взамен того, что когда-то подарил Вульфёру. Тогда он вытащил меч и начал пилить веревку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.